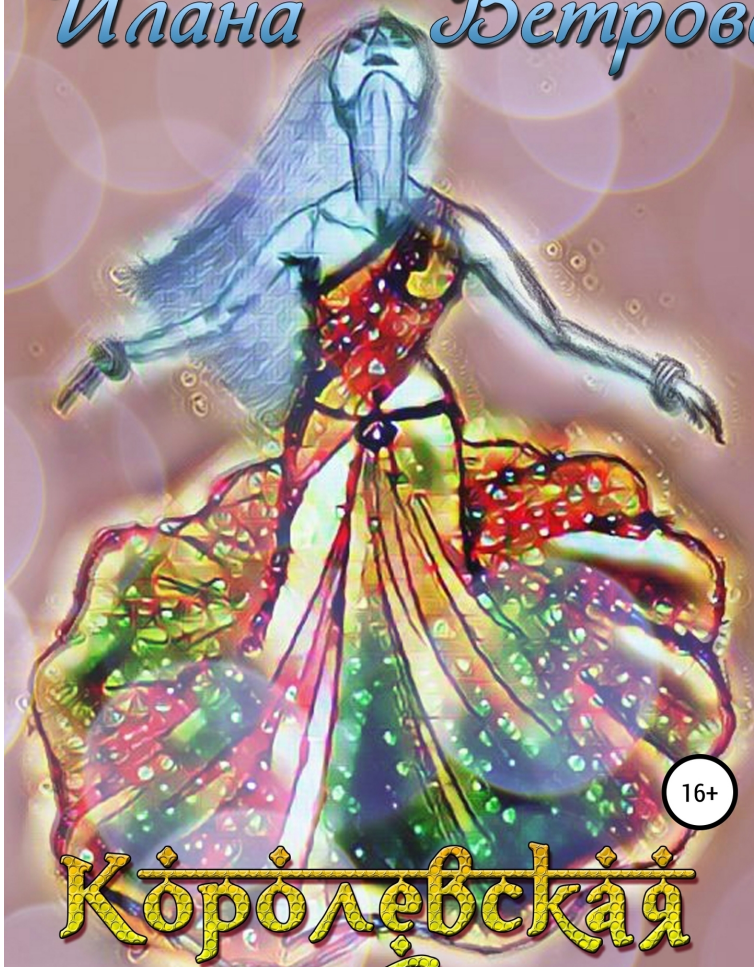


Илана Ветрова



16+

Королевская
Кобра

Илана Ветрова

Королевская кобра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56357683

SelfPub; 2020

Аннотация

В древней Индии было понятие «Виша-канья», что в буквальном переводе означает «ядовитая девушка». Красивых девочек с самого детства служители богини Кали превращали в смертоносное оружие: им в организм вводили змеиный яд, постепенно увеличивая дозу и вызывая привыкание. Со временем яд настолько пропитывал их тело, что Виша-канья могли убить одним поцелуем или даже прикосновением... Нейса – девочка из небогатой семьи – выжила после укуса змеи. По обычаю, ее должны выдать замуж, но местный священник решил, что она рождена не для того, чтобы быть женой и матерью, ее судьба – стать жрицей могущественной и безжалостной Кали. Согласится ли Нейса с уготованной ей судьбой и станет ли безжалостной убийцей? Эскиз обложки принадлежит автору.

Содержание

Глава 1. Нейса	4
Глава 2. Гость и гороскоп	12
Глава 3. Путешествие	16
Глава 4. Новое окружение	27
Глава 5. Ночные похождения	47
Глава 6. Уроки танцев	50
Глава 7. Первая потеря	58
Глава 8. Тайна Малати	63
Глава 9. Подготовка к шествию	72
Глава 10. Праздник Кали	91
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Глава 1. Нейса

Я лежала недалеко от дома под старым раскидистым деревом, чудесным образом сопротивляющимся неумолимому натиску пустыни.

Отец говорил, что обитающий в дереве дух хранит нашу семью с тех пор, как сбежав от войны и выросших налогов, мы пришли на север и поселились в заброшенном доме расположившего перед высокими городскими стенами поселка.

Рядом, черно-блестящей угловатой горкой лежали закопченные кастрюли и сковородки. Мама велела их почистить, но, разморенная дневным солнцем, я играла сухими листьями, представляя, что это большие корабли, а муравей на них – я, и плыву по большому морю. Моря я не видела ни разу. Вообще не видела ничего, кроме простирающегося до горизонта желтого песка, но папа рассказывал, что там, где кончается песок, начинается море. Такое же синее, как небо, и я мечтала, что когда-нибудь увижу его.

Широкая, шелестящая на обжигающем ветру крона укрывала от солнца, но знойный воздух опалял кожу. Очень хотелось пить, а воды в оставленном мамой глиняном кувшине осталось только половина, и ее надо было растянуть до конца дня. Голода не чувствовала, но это и к лучшему – еды дома почти не было.

– Благословленная Шивой, – слышала я второй день. Лю-

ди приходили поглазеть и показывали на меня пальцем.

Наш дом стоял на окраине, около самой стены, защищающей селение от хищников, хотя, какие хищники могут быть в пустыне, а в большей мере – от набегов разбойников, и никогда, до вчерашнего дня, здесь не проходило так много людей.

Я вытерла испарину концом старенькой, доставшейся от сестры дупатты. После укуса змеи меня то бил озноб, то бросало в жар, при этом сил что-то делать становилось все меньше.

Случилось это в ночь, предшествующую сегодняшней – зимой, после захода солнца становится холодно, поэтому мы подняли бамбуковые шторы, разделяющие дом на комнаты и, прижавшись друг к другу, спали все вместе на циновке. Быть может, потому что спала с краю, заползшая в поисках тепла змея укусила именно меня. От боли я вскрикнула и толкнула спящего рядом Реянша. Брат сначала заворчал и оттолкнул меня, но всхлипы не давали заснуть, и он, взяв с алтаря лампаду, велел показать, где больно. При свете слабого, пляшущего огонька, едва различимые, на ступне темнели два крохотных пятнышка.

– Мама, папа, Анви! – закричал Реянш, стараясь разбудить остальных. – Нейсу укусила змея!

Все вскочили и принялись осматриваться, а я осталась сидеть на циновке и плакала – боли уже не было, но нога начала неметь. Из темноты раздалось приглушенное шипение.

Брат осторожно поднес лампаду – приготовившаяся к броску кобра с расправленным капюшоном показалась мне огромной, а на полотняном потолке, в колеблющемся свете лампы покачивалась ее еще более громадная тень. Но Реянш сказал, что это еще детеныш, он накинул на змею циновку и вытряхнул ее во дворе.

– Сынок, не ходи, и тебя могут укусить, – воскликнула мама, когда брат понес меня на улицу.

Луна освещала двор и здесь было светлее, чем в комнате. Реянш положил меня под деревом и пошел на задний двор.

– Сынок, не трать на нее воду. Может, дух дерева ее забереет, – переминаясь на пороге дома, попыталась остановить брата мама, но он молча скрылся в темноте.

Вскоре Реянш вернулся с кувшином воды, промыл рану и, как смог, отсосал яд. После чего перетянул ногу моей же дупаттой.

– Оставайся здесь, тебе надо быть на холоде, – сказал он, а чтобы совсем не замерзла, укрыл своей шалью и вернулся в дом.

Дрожа от страха и холода и кутаясь в шарф, я встретила рассвет.

Первыми из дома ушли Реянш и отец. Городские ворота уже открыли, и брат с отцом направились по пока еще холодному песку к вздымающейся в небо городской стене. Мужчины нашей семьи, так же как и почти все в поселке, рабо-

тали в красильных мастерских. От этого их руки и ноги всегда были покрыты въевшейся в кожу краской. Иногда, когда краска плохо ложилась, отец приносил домой отрезы, такие же тонкие и невесомые, как редкая в наших краях пелена об-лаков. Он говорил, что это брак. Я не знала, что такое брак, и прозрачная, текучая ткань казалась мне чудесной. Вот только получить ее могла лишь после того, как износит Анви.

Только я проводила взглядом отца и брата, как в проеме глиняной стены появились мама с сестрой и, даже не взглянув в мою сторону, ушли – они тоже работали в городе – вышивали на одежде красивые узоры. Я засмотрелась на Анви – моя сестра и брат, оба очень красивые – смуглые, высокие. Конечно, Реянш более рослый, потому что старше, но и сестра намного выше меня. Волосы брата кудрявятся в беспорядке, а у Анви убраны в аккуратную косу, только у шеи видны непослушные завитки. Мои же, прямые и тонкие, развевались на горячем ветру, как высохшая трава. Грустно вздохнула – как бы хотела быть такой же красивой, как Анви и Реянш, но мне всегда казалось, что у родителей закончились краски, и я получилось такой же ненужной, как и приносимая отцом ткань – мои волосы и кожа были светлее, чем у брата и сестры. К тому же, по сравнению со сверстниками, я была слишком худой. Неудивительно, что мама и папа любили старших детей больше.

Весь день мимо нашего дома ходили люди, казалось, что их было больше, чем я видела за всю свою жизнь. Они подхо-

дили к нашему невысокому плетеному забору и переговаривались. Вечером, когда солнце почти скрылось за соломенной крышей, а мама и сестра вернулись, пришли соседки и привели с собой священника.

Еще не совсем стемнело и человек в белой одежде с нанесенным на лоб тилаком выделялся на фоне селян, одетых в будничные выцветшие камизы и шальвары – в нашем поселке что женщины, что мужчины носили одинаковую одежду, только у самых зажиточных жены и дочери по праздникам надевали для молитвы хлопковые сари.

– Это она благословленная Шивой? – разглядывая меня, спросил пандит.

Я поежилась под его изучающим взглядом. Было стыдно, что из-под коротких шальвар видно мои тощие лодыжки и, подтянув босые ноги, постаралась спрятать их под дупаттой.

– Встань и прими благословение, – шикнула на меня мама.

Я попыталась встать, но по-прежнему не чувствовала укушенную ступню, поэтому, чтобы не упасть, подпрыгивала на одной ноге. Мама недовольно нахмурилась, а Анви подошла и, поддерживая под руку, помогла наклониться, чтобы коснуться обутых в веревочные сандалии ног священника, коснулась их и она.

– Живите долго, – сказал пандит, положив руку нам на головы.

Мы распрямылись, а он провел пальцами по моей щеке, задержавшись на подбородке, приподнял голову и заглянул

в глаза.

– Красивая девочка, – сказал священник, а я едва не открыла рот от удивления, и очень захотелось поверить, что мои глаза похожи на глаза Анви – большие, черные и блестящие, в обрамлении густых щеточек ресниц. Почему-то длинные и загнутые – брата, нравились мне меньше. – Если Господь ее отметил, то вы должны выдать девочку замуж.

– Как замуж? С ее рождения минуло только шесть дождей! – воскликнула мама и стиснула на груди камиз с наполовину стершимися и оторвавшимися медными кружочками.

– Мы всего лишь люди и не можем идти против воли Господа нашего Шивы, – спокойно ответил пандид.

А я заинтересованно на него смотрела – мне доводилось бывать на свадьбах – видела невест в красивых нарядах, украшенных начищенными и блестящими, как маленькие солнца – медными кругляшками и, как луны – оловянными. У девушек, глянцево-волосы были подняты и спрятаны под расшитую шаль, а на руках и ногах, покрытых рисунками мехенди, звенели браслеты. Стараясь сохранять спокойствие, они дожидались жениха, после чего обменивались с ним гирляндами и семь раз обходили вокруг священного огня.

Я очень обрадовалась возможности быть такой же красивой, как и они, и не видела причин, почему бы не выйти замуж – как только почувствую свою ногу, вполне смогу обойти вокруг огня. Но, стараясь быть воспитанной девочкой,

скромно молчала и дожидалась, что скажет мама.

– Но у нас нет денег на приданое. Надо еще старшую дочь выдать замуж, а без приданого Нейсу никто не возьмет, – мама перевела обеспокоенный взгляд с пандита на старшую дочь. Посмотрела на Анви и я.

Сестра выглядела мрачной – ее подружки одна за другой выходили замуж, правда они были старше, но и ровесницам уже поступали брачные предложения, к нашему же дому женихи не спешили. А по ночам я слышала, как отец с мамой в полголоса обсуждали, где взять денег на приданое.

– Если Господин наш указал на нее, то найдется и жених, – невозмутимо ответил пандит. – Зайди в храм, я составлю ее гороскоп.

Всхлипнув, Анви убежала в дом, мама проводила ее сочувственным взглядом, а священник – неодобрительным. Я пожалела сестру – у нее был поклонник из зеркальных мастерских. Иногда он дарил Анви несколько выпуклых и блестящих, отражающих солнечный свет кусочков. Сестра их хранила и собиралась сделать с ними вышивку на свадебной дупатте – она очень хотела выйти замуж и переехать за городские стены. Сейчас же, из-за слов пандита рушились все планы.

Мне мама не сказала ни слова и вслед за сестрой молча скрылась за домом. Вскоре оттуда потянуло запахом жарящихся лепешек. Несмотря на то, что я весь день ничего не ела, аппетит не разыгрался, и мама, после того как нако-

мила вернувшихся с работы отца и брата, принесла мне две остывшие роти из нутовой муки и кувшин воды. От лепешек пахло прогорклым неочищенным маслом и меня начало мучить. Попросив маму отдать мою порцию отцу и Реяншу, я схватилась за кувшин и разом выпила едва ли не половину. Живот надулся и в нем отчаянно забулькало – это немного развеселило – я то втягивала его, то выпячивала, чувствуя, как внутри переливается вода, а устав, смотрела на светящиеся в небе точки – как будто те самые блестящие кусочки, вышитые на гигантском сари, которым укрылась, оставив на виду лишь лицо-луну, очень скромная женщина. Раздумывая, куда же женщина девается днем, я незаметно заснула, а когда проснулась, увидела воду и горку посуды, к которой до сих пор так и не прикоснулась.

Испугавшись, что по возвращении с работы мама меня отругает, я принялась медленно оттирать закопченные стенки. Руки двигались как чужие, не нанося саже ни малейшего ущерба.

Глава 2. Гость и гороскоп

Этот день ничем не отличался от предыдущего – так же ходили зеваки и с любопытством заглядывали во двор. Но вечером, когда мама и Анви вернулись с работы, пришел пандит и привел с собой невысокого, круглого, как кувшин, мужчину. Незнакомец не жил в нашем поселке, ведь я знала всех, да и одет он был очень странно – широкие, со множеством складок шаровары из плотной, мягко поблескивающей синей ткани; ярко-розовая, как наш закат, курта, а поверх нее – оранжевый жилет. Из-под складок шаровар выглядывали не веревочные сандалии, как у мужчин нашего поселка, а расшитые кожаные туфли с загнутыми носами. Закончив разглядывать чудную одежду, я перевела взгляд на лицо – оно выглядело не менее необычно – волнистые волосы до плеч обрамляли круглые щеки, из-за которых едва виднелись большие торчащие уши. В каждом блестела, словно начищенное олово, сережка. Чужак сложил на животе толстые короткие пальцы и внимательно разглядывал меня будто спрятавшимися за толстыми щеками глазами-щелочками – по спине побежали мурашки, словно из пустыни подуло ночным холодом.

«Неужели его, согласно гороскопу, выбрали в мужья?» – подумала я и постаралась укрыться от оценивающего взгляда под потрепанной дупаттой Анви.

Мне приходилось видеть как в день свадьбы плакали девушки, которым предстояло стать женой мужчины намного их старше, но тогда не понимала причины их горя. Сейчас же, представив, что уйду из родного дома и поселка с похожим на кувшин незнакомцем, что мне, как маме для нашей семьи, надо будет готовить для него и стирать – я попробовала сообразить, сколько времени понадобится, чтобы постирать его шаровары (кажется ими можно укрыть весь наш дом) и едва не расплакалась, потому что до конца жизни не управиться с этой работой. Теперь я понимала несчастных невест и кусала губы, чтобы не разрыдаться от предстоящей разлуки. Меня не радовала даже возможность покрасоваться в нарядном сари. Хотелось только, чтобы все оставалось как раньше, и я жила вместе с мамой, папой, сестрой и братом. Но боясь расстроить маму, не показывала своих переживаний, только теснее прижималась к стволу дерева и молила живущего в нем духа отвести несчастье от нашего дома. Правда, сомневалась, что дух расслышит обращенные к нему просьбы, ведь у меня не было ни кусочка лепешки, ни капли масла, чтобы умиловать его.

Мама отправила Анви на задний двор готовить ужин, а гостей пригласила в дом. Мне же пришлось вытягивать шею, чтобы узнать, о чем они говорят.

– Я составил гороскоп твоей дочери, – слышался степенный, но звонкий, как храмовые колокольчики, голос пандита, – и понял, что неверно истолковал знак Господа нашего

Шивы. Вот смотри, – послышался шорох одежды и хруст разворачиваемого папируса, а я даже перестала дышать – неужели меня все-таки не отдадут толстяку? Тогда, зачем он пришел? – Она родилась во вторник, этот день пришелся на Двадаши. Кроме того, Луна стояла в накшатре Шатабхиша. Совпали все признаки виша-каньи. Нейсе нельзя выходить замуж – она принесет мужу смерть, и вам самим надо поскорее избавиться от нее, пока девочка не навлекла несчастья и на мужчин семьи.

– Что же нам делать? – всхлипнула мама.

А я по-прежнему ничего не понимала – новость об отмене замужества обрадовала, но зачем тогда пришел лохматый кувшин?

– Шива указал и путь, – продолжил священник. – Только, судьба Нейсы стать не женой и матерью, а служительницей супруги Его – жрицей Богини Кали. По Его воле в наши края приехал купец, поставляющий в храм Кали ткани и украшения. Он готов взять девочку с собой. Караван уже собирался в путь, и только по воле Шивы мне удалось перехватить купца. Так что, решайся быстрее, женщина. Эти достойные люди не станут ждать, пока ты наплачешься. И не забывай о знаке Его – не подчинишься изъявленной воле, и на поселок обрушатся страшные несчастья. Не забывай, она избрана, не гневи Богов.

– Могу предложить за нее небольшое вознаграждение, – послышался незнакомый и такой тягучий, что казалось в нем

можно увязнуть, голос. Толстяк так странно произносил слова, что я едва разобрала смысл.

Мама оказалась в проеме и заперла дверь, она понизила голос и о чем говорила с незнакомцем дальше, я разобрать не смогла, но через некоторое время все трое вышли во двор.

– Нейса, доченька, – мама подошла ко мне и погладила по щеке. – Тебе сейчас надо пойти с дядей, он приведет тебя в храм. Будешь воспитываться там, как жрица Богини. Дочка, это большое счастье, и не все девочки его достойны. Поднимайся, – мама потянула меня за руку.

– Это далеко? – вставая, спросила я.

– Нет, недалеко. Здесь же в городе. Когда соскучишься, сможешь приходить в гости, – переглянувшись с кивнувшим толстяком, поспешила ответить мама. – А в город поедешь на пони, ты ведь ни разу не ездила на пони? Дай ему руку.

Я подала толстяку руку, а он отогнул полу жилета, просунив руку в боковой разрез курты, достал из необъятных шаровар небольшой мешочек и отдал маме. Приняв подарок, она склонилась к ногам священника.

– Будь счастлива, – положив руку ей на голову, ответил пандит. – Пойдем, Нейса, взяв меня за вторую руку, он и незнакомец вывели меня со двора.

Глава 3. Путешествие

Двое мужчин вели меня к центру поселка – туда, где жил пандит. Сначала я оглядывалась на удаляющийся родной дом – хотелось увидеть Анви, попрощаться с ней, но сестра так и не показалась из-за дома. Одна мама, прижав к груди мешочек, продолжала стоять под моим деревом.

Потом вспомнила отца и Реянша – они должно быть расстроятся, когда вернутся с работы и не найдут меня. И я стала внимательно вглядываться в проходящих людей, надеясь увидеть родных, но, несмотря на то, что знала почти всех, это были не отец и брат.

Мы вошли во двор пандита, и я замерла от восхищения при виде невысокой лохматой лошадки. Пыльно-серая, с длинной густой челкой. Таких же, только украшенных, я видела на празднестве в городе, а сейчас могла рассмотреть и даже потрогать – она стояла около колышка и, уткнув нос в землю, искала траву. Я не могла сдержать радость, ведь предстояло ехать на этой лошади в большой город, где их много. Я представила, как по прошествии некоторого времени вернусь домой и расскажу брату и сестре, знакомым, соседям о всех чудесах и животных, которых увижу в городе. Быть может, посчастливится увидеть верблюда – Реянш говорил, что это такая лошадь с горбом, я не могла такого представить и очень хотела их увидеть. Представляла удивление соседей

тому, как много всего увидела и узнала. Мне не терпелось сесть на лошадку и двинуться в путь. Я оглянулась на мужчин – незнакомец отдал пандиту такой же мешочек, как маме.

– Дай какую-нибудь мальчишечью одежду, не хочу, чтобы в дороге на девочку нашлись охотники. И шаль – надо спрятать ее волосы. Все мои ткани слишком дорогие для чумазой деревенщины.

Недовольно бормоча, пандит скрылся в доме. Вскоре он вышел с ворохом одежды.

Незнакомец осмотрел меня, велел надеть курту и дхоти и снять шальвар-камиз. Я послушалась – рубашка была велика, и пришлось закатать рукава, а подол едва не касался земли. Затем что-то невнятно наговаривая, толстяк собрал мои волосы и чалмой намотал на голову длинный и чистый хлопковый шарф.

– Ну вот, – сказал он удовлетворенно. – Теперь ты не девочка, а мой сын. Я везу тебя домой, поняла? В дороге не отходи от меня далеко, захочешь в туалет – скажи, я тебя провожу. Запомни – ты мальчик. Это очень важно.

Я ничего не поняла, но кивнула.

Толстяк подсадил меня на пони, с кряхтением взобрался сам, и мы поехали к поселковым воротам. На улицу высыпали, наверное, все жители, а я им весело махала и обещала скоро вернуться.

Когда мы выехали за пределы селения, наступили корот-

кие сумерки, и за городской стеной тут и там появились пока еще редкие огни. Я думала, что пыхтящий за спиной, по-прежнему незнакомый человек повернет к ним, но пони пошел в противоположную сторону – в пустыню, к виднеющемуся на горизонте и подсвеченному последними закатными отблесками облаку пыли.

– Но город в другой стороне, – проговорила я, подумав, что чужеземец заблудился и уже повернулась указать, куда надо ехать, но меня больно дернули за ухо.

– Замолчи, мальчик. Чем меньше от тебя будет шума и беспокойства, тем тебе же лучше, – прогудел над головой голос. Толстяк говорил так, будто у него был полный рот горячего сабджи.

Я еще раз оглянулась на оставленную за спиной высокую стену, но ничего не увидела, кроме расшитой шелковой курты и жилета. Решив, что мы едем в какое-то другое, расположенное дальше селение, ведь я никогда не заходила так далеко в пустыню и не знала, что здесь есть, кроме родного поселка и ближайшего к нему города, то постаралась насладиться путешествием. Было очень удобно – от бега пони я мерно покачивалась, а сзади подпирал мягкий и круглый живот спутника. Кажется, он задремал, я бы последовала его примеру, но раздалось громкое урчание, и я даже не сразу сообразила, что это у меня в животе. Есть хотелось до тошноты, и я нетерпеливо завозилась – не терпелось уже приехать и поесть, но, сколько хватало глаз, кроме звезд над голо-

вой, не виднелось ни одного огонька. Мы отъехали так далеко от дома, что зародилось беспокойство – как же я вернусь к родителям, когда придет для этого время, как расскажу о своих достижениях? К тому же, уже соскучилась по ним, Реяншу с Анви, и захотелось домой. По щекам сами собой потекли слезы, и я начала тихонько всхлипывать. Видимо, это разбудило толстяка, он громко хрюкнул и зашевелился.

– Дядя, когда мы приедем? – воспользовавшись тем, что спутник проснулся, осмелилась спросить я.

– Уже недолго, – прошепелявил он.

Я снова захныкала.

– Что еще? – недовольно спросил дядя.

– Домой хочу, – с трудом выговорила я. – Когда мы вернемся домой?

Толстяк остановил пони, а я, особенно громко всхлипнув и икнув, удивленно уставилась на него – зачем мы остановились, вокруг только пустыня.

Он с кряхтением слез и стащил за шиворот меня. Я сидела на холодном песке и недоуменно смотрела на нависший надо мной живот.

– Мальчик, я уже говорил, чтобы ты не донимал меня, – донеслось из-за живота. – Пока мы в пути, твой дом – это я. Я тебя кормлю и везу, а ты, вместо того, чтобы молчать, мне докучаешь. Я в любой момент могу оставить тебя посреди пустыни на съедение диким зверям.

Я испуганно оглянулась – в каждой тени, в каждой склад-

ке песка чудились затаившиеся чудища, которые, как только толстяк уйдет, набросятся на меня и растерзают. Наверное, именно тогда я поняла, что больше не увижу наш маленький домик, родителей. Это их можно было разжалобить слезами или капризами, чужие же люди, что станут окружать меня впредь, останутся равнодушны к моим бедам так же, как простирающаяся насколько хватает глаз пустыня.

– Я больше не буду, – прошептала я больше песку под ногами, чем толстяку.

Толстые, мягкие и какие-то гладкие пальцы сомкнулись у меня на подбородке, надавили, я подняла голову – выглядывая из-за объемного живота, на меня смотрели внимательные глаза-щелочки.

– Надеюсь, что так и будет. Там, где ты станешь жить, умение быть послушным и быстро учиться, очень пригодится тебе, мальчик, – он снова посадил меня на пони, залез сам, и мы двинулись в путь.

За все время, я не проронила больше ни слова. Молчала, когда нагнали остановившийся на ночлег караван. Толстяк помог мне слезть и протянул завернутый в лист кусок лепешки. Есть хотелось очень сильно. Переживания почему-то не перебили аппетит. Стараясь лишний раз не злить раздражительного дядю, молча съела сухую лепешку и выпила оставшееся в ведре скисшее молоко. Холод обступал, я свернулась и прижалась к пони, чтобы хоть как-то согреться. С удивлением почувствовала, как меня укрыли чем-то ко-

любим, но теплым. Постепенно я перестала дрожать, рядом уютно похрапывал пони. Из глубины лагеря, от гаснущих костров раздавался смех: высокий – женский и более низкий – мужской. Со всех сторон слышались подозрительные шорохи, и я теснее прижималась к теплому терпкому боку. Кажалось, что никогда не смогу заснуть, но неожиданно почувствовала, как на плечо опустилась чья-то рука и потрясла.

Я быстро села, крепче прижала к себе покрывало, оказавшееся пестрым, оранжево-горчичным шарфом, и щурилась, стараясь рассмотреть того, кто хочет отобрать мое одеяло. Видимо, я все-таки уснула и не заметила, как прошла ночь. Сейчас же солнце, поднимаясь над горизонтом, стелило золотисто-розовые лучи по серо-коричневому песку. Лагерь начинал пробуждаться, а тряс меня кувшиноподобный толстяк.

– Пойдем, – сказал он и взял меня за руку.

Мы шли долго, пока лагерь не превратился в неясное, размытое утренним туманом пятно. Только тогда толстяк остановился, отпустил мою руку и отвернулся. Он стоял, не двигаясь, пока я не коснулась края его рукава, и мы пошли обратно.

К тому времени, когда мы вернулись, все уже проснулись и собирались в путь. А я смотрела во все глаза, боясь что-то упустить – в первый раз я видела столько людей и животных разом. Женщины, голоса которых я вчера слышала, привели меня в полный восторг – накрашенные, в ярких нарядах и с

многочисленными звенящими браслетами, они были самыми красивыми, кого я когда-либо видела. Хотелось верить, что когда-нибудь я стану такой же, как и они.

– Эй, Гопал! – раздался рядом зычный голос. Я вздрогнула и обернулась – рядом с моим толстяком стоял худой, как палка, мужчина. Поднимающийся ветер раздувал его обширные одежды, и они хлопали, как белье на веревке. – Что это у тебя за мальчишка? – он взял меня за подбородок и стал рассматривать.

– Да вот, оказалось, что у меня есть сын, – отозвался мой дядя. – Я не молодею, семьи нет. Вот и решил взять его на воспитание и, если окажется толковым, то передать потом свое дело, а самому уйти на покой – греться под солнцем и есть финики.

Помня наказ перед отъездом из родного городка, я постаралась скрыть удивление и, опустив глаза, рассматривала свои грязные ноги.

Тощий отпустил мой подбородок и больно ущипнул за щеку.

– Слишком смазливый, чтобы быть твоим сыном, – рассмеялся он и снова потянулся к моей щеке.

– Он на мать похож, – недовольно отозвался толстяк и посадил меня на пони. – Держись рядом и не отходи ни на шаг, – уже мне шепнул он на ухо.

– Она должно быть красотка, – еще громче рассмеялся тощий. – Что только в тебе нашла?

– Иди уже, скоро отправляемся, – оборвал его Гопал. Он сунул мне еще один завернутый в лист кусок лепешки, насыпал в ладонь изюму, после чего тоже взгромоздился на пони, и мы тихонько потрусили вслед за караваном. Позади всех, привязав к спине узлы с вещами и что-то громко обсуждая, шли женщины.

Иногда до нас доносился их визг. С трудом выглянув из-за обширного живота спутника, я видела, как несколько женщин, вцепившись друг другу в волосы, повалились в пыль. Но никто не обратил на них ни малейшего внимания и не замедлил шаг – время было дорого, припасы были строго рассчитаны на весь путь и не позволяли задерживаться.

Я сбилась со счета, сколько дней мы шли, останавливаясь на ночь среди бескрайних песков. На людей, особенно на женщин, обращали мало внимания, берегли только товар и выючных животных. Наконец, пустыня кончилась. Сначала появились редкие кустарники, потом деревья, а потом мы окунулись в густую тень джунглей. Время от времени дорога подходила к стенам городов, но мы никогда не переступали за ворота – местные власти брали пошлину за возможность пройти через город.

Все чаще стали попадаться города и деревни, ночи уже перестали быть холодными, и в кострах отпала необходимость. Их разжигали только, чтобы отогнать хищников. Люди уже не жались к огню, а могли заснуть где угодно – чаще всего насыпали прямо на обочине дороги. Я больше не куталась в

шерстяной шарф, а тюрбан мешал все сильнее – было жарко, и голова под ним нещадно чесалась. Хотелось поскорее снять его и почувствовать в волосах теплый, как мамины руки, ветер. Но я терпела.

В один из таких жарких дней, когда уставшие и мокрые, все время от времени поднимают взгляд к пронзительно синему небу в поисках хоть небольшого прозрачного облачка, которое бы защитило от безжалостного солнца и дало долгожданную тень, мы подошли к стене. Я задрала голову так высоко, что тюрбан едва не свалился, но не смогла увидеть, где она кончается. Казалось, что каменная кладка уходит прямо в небо.

Караван задержался ровно на столько, сколько времени понадобилось, чтобы расплатиться со стражей у ворот, после чего пестрая река потекла в широкие ворота, заполнила узкие городские улицы и, разделяясь, отдельными ручейками разлилась по переулкам.

Мы тоже свернули в сторону от основного потока. Толстяк остановился и велел помощникам везти товар в лавку, но прежде чем они двинулись, слез с пони и принялся копать в одном из тщательно оберегаемых тюков. Закончив, отпустил нагруженных животных и погонщиков, а сам вернулся к пони и протянул мне небольшой, с неровными краями выгнутый кусочек зеркального стекла.

– Это тебе на счастье, – старательно отводя глаза, буркнул он и с кряхтением взгромоздился сзади, а у меня сам собой

от удивления открылся рот – никогда прежде не держала в руках такой дорогой вещи.

Я развлекалась, пуская солнечных зайчиков, и совсем не смотрела, куда едем. Поэтому очень удивилась, когда остановились возле очередных высоких ворот. Стена, в которой они вырезаны, была такой длинной, что, казалось, опоясывает еще один город. А за воротами возвышалось самое высокое и красивое здание, которое я когда-либо видела. Его крыша, постепенно сужаясь, поднималась к самому небу, а на ее уступах были вырезаны и выкрашены в яркие синие и красные цвета, различные фигуры. Ворота и вход в само здание украшали цветочные гирлянды, и я на какое время остановилась, вдыхая их аромат, но толстяк, не отпуская мою руку, потащил дальше – в просторный зал с высокими колоннами, и плавающим меж ними дымом от курения благовоний.

Не давая мне как следует все рассмотреть, Гопал продолжал идти, пока мы не оказались перед великолепной статуей синей женщины. Она стояла на туловище мужчины, ее бедра охватывал пояс из человеческих рук, шею украшало ожерелье из черепов, а пышные волосы опускались ниже талии.

Стояли мы недолго. Я не успела рассмотреть все цветы и сладости, лежащие у ног статуи, когда из-за нее вышел заматанный в белую ткань мужчина.

– Это подношение Богине-Матери, – подтолкнул меня толстяк.

Ни слова не говоря, незнакомец кивнул, взял меня за ру-

ку и завел за статую. Мы прошли через небольшую дверь и оказались в длинном узком коридоре.

Глава 4. Новое окружение

Мне казалось, что идем очень долго. Длинные тени от скудного света масляных светильников прыгали по темным, сводом нависающим над головой стенам, и я жалась к ногам провожатого. Не заметив ступеньку, едва не упала, но незнакомец поддержал, и мы начали спускаться.

Спускались, наверное, еще дольше, чем шли по коридору, пока, наконец, не стало светлеть, и мы не оказались в небольшой округлой комнате. В нос ударил влажный, насыщенный удушливым запахом каких-то трав воздух. Я осмотрелась – лучи дневного солнца, попадая сквозь расположенные под потолком, забранные частой решеткой окна, освещали несколько высеченных прямо в полу, наполненных водой чаш. От них и поднимался немного маслянистый запах. Вокруг чаш, в которые по желобам стекала вода, курились благовония и стояли глиняные кувшины. Я не успевала оглядываться, чтобы все рассмотреть.

– Это еще что за замарашка? – услышала голос и, посмотрев, едва не упала – из воды, как Богиня Лакшми, поднялась совершенно обнаженная девушка. Она была красивее всех, кого я когда-либо видела – ее кожа блестела, как начищенные металлические кувшины на рынке, мокрые волосы толстыми змеями спускались ниже талии. Тяжелая грудь поблескивала от капель воды, они же стекали по мягко высту-

пающему животу и округлым бедрам. Ступни и ладони красавицы украшали красно-коричневые рисунки. – Уберите ее отсюда, а то все здесь перепачкает, – снова раздался мелодичный голос, но я не могла пошевелиться и так и продолжала бы стоять, если бы провожатый не дернул за руку. Меня усадили на скрывающуюся в полутьме каменную скамейку, и оттуда я продолжала смотреть, как к девушке подошла полная женщина в промокшем сари и стала растирать маслом гладкую кожу, отчего та заблестела еще сильнее, а влажный воздух наполнился сладким цветочным запахом.

– Раздевайся, – засмотревшись, как купальщице расчесывают волосы, я не заметила, когда ко мне подошла вторая женщина и сейчас пыталась снять куртку. – Что застыла? Думаешь, у меня больше работы никакой нет?

Она размотала тюрбан, и волосы сальными слипшимися прядями упали мне на лицо.

– Где вас только таких берут, – проворчала женщина. – Раздевайся сама. А волосы придется остричь.

Я вопросительно подняла на нее глаза, непроизвольно почесывая голову.

– Не переживай, – неожиданно ее голос стал мягче. – Зато отрастут красивые, здоровые, блестящие. Ты же не хочешь все время чесаться?

Я помотала головой, в то же время, наблюдая, как девушка, завернувшись в легкое сари и не обернувшись, вышла через другую дверь. Стараясь не выпустить зеркало, я неловко

выпутывалась из одежды. Заметив мои неуклюжие попытки, женщина схватила меня за руку и разжала пальцы.

– Откуда это у тебя? Где украла? – дергала она меня.

– Я не крала. Это мое, – осмелев от того, что пытаются отнять единственную ценность, я заплакала и попыталась забрать зеркало, но женщина высоко подняла руку. – Это мое, мое! – продолжая попытки, плакала я.

– Отдай, – раздался от стены мужской голос. – Она сама и все, что у нее есть, принадлежит Богине-матери. Ты ведь не хочешь прогневить Кали, забрав у нее подношение.

Женщина нехотя протянула зеркало. Я схватила его и прижала к груди.

– Оставь здесь. Никто его не заберет, – раздался тот же голос.

Наверное, я так бы и не решилась расстаться со своим сокровищем, но женщина уже распутала пояс шальвар, отобрала зеркало, положила на скамью и, схватив меня за руку, потащила к воде. Переступив через упавший к ногам комок ткани и оставляя грязные следы, я пошлепала за ней.

Первым делом мне состригли все волосы, затем долго скребли голову. Вонючая пена лезла в глаза, отчего их больно щипало. Мне казалось, что уже не осталось ни кожи, ни волос, а женщина все скребла и скребла, пока я не начала хныкать. Наконец, она оставила в покое голову и принялась тереть меня расплюснутыми стеблями тростника. Было больно, кожа горела, а вода на глазах становилась корич-

невой, и по ее маслянистой поверхности плавали грязно-серые хлопья. Только когда я уже напоминала себе раскаленную головешку, женщина отбросила стебли и взялась за камень.

«Меня так мучили, чтобы теперь убить?» – пронеслось в голове, но истязательница взяла мою ногу и стала нещадно тереть ступни.

Я плакала, просила перестать, уверяла, что кожи совсем не осталось, и она отдирает мясо, но женщина не слушала и продолжала меня свежевать.

Ног я уже не чувствовала совсем, когда она наконец закончила – полила меня чистой водой, втерла в оставшиеся волосы то же пахучее масло, каким до меня растирали девушку, а ноги намазали какой-то мазью, завернули в чистое сари и подтолкнули к прячущемуся в тени стены мужчине. Первым делом я нашла зеркало и зажала его в кулак.

– Пойдем, – сказал мой провожатый, и я почувствовала прикосновение его руки.

Я хотела было идти к той же двери, из которой вышли, но мужчина повел меня к совершенно другой, даже не к той, через которую ушла красивая купальщица.

Мы шли по еще одному бесконечному извилистому коридору, но, запутавшись, я уже не пыталась запомнить, а старалась понять свои ощущения – сладкий цветочный запах кружил голову, ткань приятно холодила кожу, а каменный пол казался разгоряченными ногам странно-прохладным, я чув-

ствовала ступнями каждую трещинку в кладке – это было щекотно и очень непривычно.

Казалось, уже успела закончиться вечность, когда мы попали в огромную, залитую светом комнату. Я боялась поднять глаза и видела только белые гладкие плиты под ногами, и свое отражение в них.

– Посмотри на меня, дитя, – раздался густой гулкой голос. Казалось, он растекается по комнате, заполняя самые ее дальние уголки.

Я немного приподняла голову, косясь, но еще не решаюсь взглянуть на обладателя такого звучного голоса. Подумалось, что он, должно быть, достает до самого потолка. Было страшно, и я рассматривала узор на полу, нарисованный солнечными лучами, проникшими через резную оконную решетку.

– Смелее, дитя, – подбодрил голос.

Я еще немного приподняла голову, а потом, забыв о том, что надо вести себя скромно, уставилась во все глаза – передо мной, в резном блестящем кресле сидел, как мне показалось, старый-престарый человек с длинными белыми волосами и белой бородой. Его худое тело скрывалось под белой блестящей одеждой, а черные глаза, казалось, пронзали насквозь.

– Прими благословение, – раздался за спиной голос провозжатога и меня подтолкнули к старцу.

Я поспешно прикоснулась к обутым в кожаные сандалии

ступням.

– Живи долго, – на макушку опустилась рука, а затем мягкие пальцы, погладив по щеке, коснулись подбородка и приподняли голову. Новый незнакомец оказался так близко, что невольно стала его рассматривать. Несмотря на белые, как луна, волосы, кожа на его лице была на удивление гладкой и по сравнению с руками слишком белой, а пронзительность взгляду придавала черная подводка. – Так ты у нас виша-канья, родилась в накшатру Шатабхиши, – он замолчал и выжидательно смотрел.

Уже второй раз при мне говорили «виша-канья», но я не знала, что это такое. Не знала хорошо это или плохо, поэтому молчала.

– Молодец, – неизвестно за что похвалил меня старец. – Умные девочки всегда больше слушают, чем говорят. Как тебя зовут, дитя?

– Нейса, – пролепетала я непослушными губами.

– Родители выбрали для тебя благоприятное имя, дитя. Они сделали все, что смогли. Теперь твоя судьба зависит только от тебя. Ты красивая девочка и по рождению суждено стать девадаси.

Меня уже второй раз назвали красивой и от удивления несколько раз сморгнула – наверняка, он надо мной смеется. Я опустила голову и закусил дрожащие губы.

– Ты знаешь, кто такие девадаси? – после непродолжительного молчания, вновь раздался глубокий голос.

Я отрицательно помотала головой.

– Девадаси – это храмовая танцовщица.

Я настолько удивилась, что вновь вскинула голову, вглядываясь в белое гладкое лицо – может, он не соврал? Может, я действительно, красивая, если должна стать храмовой танцовщицей? О девушках при храмах слагали легенды. Говорили, что одного взгляда хватало, чтобы мужчина упал за мертво, сраженный их красотой.

– Но для этого мало быть красивой девочкой, – старец прервал мои размышления. – Ты должна вырасти в красивую девушку и должна очень много для этого трудиться. Если же ты окажешься еще и умной, то станешь настоящей виша-каньей. Ты можешь быть трудолюбивой, но вырасти некрасивой. Тогда, твоя судьба быть прислугой при храме. Но если будешь лениться, то отправишься в город и очень повезет, если тебя примет гильдия куртизанок. Так кем ты хочешь стать? Прислугой, куртизанкой, девадаси или виша-каньей? – строго спросил он.

Я мало что поняла из его речи, но на всякий случай ответила:

– Я буду усердно трудиться.

– Умная девочка. Постарайся с возрастом не поглупеть. Следи за собой. Береги лицо и тело. У тебя не должно быть никаких изъянов, – наставлял старец. – Отведи ее к остальным девочкам, – обратился он к провожатому, все еще стоящему у входа в комнату.

Меня взяли за руку и снова повели по сумрачной прохладе нескончаемых коридоров. Я шла запинаясь о собственные ноги и оскальзываясь на гладких камнях, пока не оказалась в просторной комнате. За спиной скрипнула задвижка двери, а я, проморгавшись от яркого света, встретила десять пар глаз, рассматривающих меня в полной тишине.

Все девочки были примерное моего возраста, и у всех были короткие волосы. Я подумала, что они, как я, появились здесь недавно. Они сидели на настилах, покрытых яркими циновками, около каждой, горкой лежали корешки, и девочки старательно измельчали их в каменных ступках. Присматривая, чтобы девочки не отлынивали и не болтали, по комнате прохаживалась сурового вида женщина в коричнево-зеленом сари.

Заметив меня, она нахмурилась еще сильнее, отчего на переносице смуглого лица обозначились две синеватые складки.

– Новенькая, – не спрашивая, а утверждая, произнесла она. – Садись на свободное место и принимайся за дело. Эти корешки надо очень тщательно перетереть в муку. Не ленись. Но сначала дай мне посмотреть на твою ногу, – женщина говорила так же невнятно, как и привезший меня сюда толстяк, и что мне надо сесть, я догадалась скорее по кивку, чем из ее слов. Свободное место было рядом с девочкой чуть старше меня. Отросшие волосы мягкими кольцами закрывали ей уши. Я села рядом, а женщина, шурша сари и распро-

странья вокруг сладкий запах украшающих прическу белых цветов, подошла к полке в другом конце комнаты и взяла один из выстроившихся там горшков. Вернувшись, она покрыла место укуса зеленоватой, пахнущей травой пастой, – А теперь, молись, чтобы шрам был незаметен. Иначе на всю жизнь останешься служанкой. Приступай к работе, – и вернулась на середину комнаты, откуда видела всех девочек.

– Тебя как зовут? – я уловила еле слышный шепот и повернулась – из-под челки меня с любопытством рассматривали смешливые черные глаза.

– Нейса, – так же негромко ответила я.

– А меня – Малати, – шустрые глаза стрельнули в удаляющееся коричнево-зеленое сари, Малати убедилась, что женщина нас не видит, и снова уставилась на меня. – Так тебя правда укусила змея? – ее глаза забавно округлились, также, как и рот.

Я кивнула.

– Больно было? – продолжила Малати допрос, но, видимо, женщина нас услышала, потому что резко повернулась.

– Девочки, не отвлекайтесь, – повысила она голос. – От того, как качественно вы сделаете свою работу, зависит, насколько хорошее поучится лекарство.

– Ага, лекарство, – прыснула моя соседка. – Я тебе потом покажу, что это за лекарство.

– Малати! – прикрикнула женщина. – Прекрати болтать, а то останешься без обеда!

Малати замолчала, а я, склонившись над ступкой, продолжала краем глаза осматривать комнату – почти все девочки выглядели одинаково сосредоточенно. В одинаковых светлых сари, они сидели, выпрямив спину, и одинаково стучали пестиками в ступках. Из общего ритма выделялась только одна девочка – она сидела в самом темном углу, привалившись к стене и, словно через силу, поднимала и опускала руки.

– Что с ней? – шепнула я Малати, глазами указав на угол.

– Ей нездоровится. Скорее всего, ее выгонят отсюда.

– Здесь нельзя болеть? – теперь я тоже следила, чтобы женщина не заметила наш разговор, потому что есть хотелось очень сильно.

– Кое от чего нельзя. Потом расскажу. Не болтай. А то останемся голодными. Пратима это может устроить.

Мне казалось, что перетиранию кореньев не будет конца. Ныла шея, спина – Пратима следила, чтобы все девочки сидели прямо, и стоило кому-то ссутулиться, она тут же получала удар тростью. Руки отказывались повиноваться, в носу щипало от поднимающейся из ступки пыли, а по шее струился пот.

Вдруг, как по команде, головы всех девочек повернулись к выходу, потом, так же одновременно, уткнулись в ступки, а через некоторое время вошли женщины со стопкой больших листьев, миской с чем-то белым, от чего шел пар, еще одной, содержимое которой благоухало пряностями, и кув-

пином. Глаза всех девочек и моей соседки, заблестели жадным ожиданием. Женщины обошли всех и положили перед каждой лист с горкой белых зернышек и коричневой, аппетитно пахнущей лужицей, а также налили воды в маленькие кувшинчики. У девочки в углу они задержались и посмотрели на Пратиму. Немного подумав и оценивающе осмотрев девочку, она одобрительно кивнула, только после этого лист с едой появился и перед больной.

Я вопросительно посмотрела на Малати. После роти, я не знала, как есть эти зернышки.

– Это рис. Ешь вот так, – она скатала небольшой белый шарик, окунула его в коричневый соус и отправила в рот, закатив от удовольствия глаза.

Рис! О нем я только слышала, но никогда не ела. Он был слишком дорогим, и мама всегда покупала нут. Неловко скатала шарик, он получился не таким красивым, как у Малати, но желудок нетерпеливо сжимался. Первые несколько шариков я проглотила, даже не заметив их вкуса. Лишь утолив первый голод, распробовала сочетание пресного вкуса риса с кисло-острой приправой. Я съела все, что было и едва не съела лист, на котором лежала еда, поскольку голод все еще терзал мои внутренности, но пришлось довольствоваться водой в кувшине.

После обеда, нам разрешили немного походить по комнате, потом снова пришла Пратима. В руках она держала большой пучок трав. Девочки обреченно вздохнули и сели на на-

стилах, поджав ноги.

– Девочки, – она окинула нас строгим взглядом. – Вчера мы с вами изучали свойства нескольких растений. Сейчас вы мне о них расскажете. Падма! – девчужка слева от меня с тугозакрученными короткими кудряшками вздрогнула. – Расскажи нам об этом растении. – Пратима вытащила из пучка красный стебель с бордовыми резными, как звезды, листьями и игольчатыми красными шариками.

Падма неловко встала и, робко посматривая на соседок, тербила паллу сари, но девочки избегали смотреть ей в глаза и сидели потупившись. Падма дрожала, отчего ее кудряшки мелко тряслись.

– Плохо! – сказала Пратима и раздался сухой треск – палка опустилась на плечо Падмы, и девочка упала на колени. – Разве я все это рассказываю не для того, чтобы запомнили? Или госпожа Падма решила, что она умнее всех и ей можно не слушать мои объяснения? Может, она и в фестивале не будет принимать участие?

Смуглые губы Падмы задрожали:

– Простите меня, Пратима, – поклонилась она. – Я была недостаточно внимательна. Пожалуйста, позвольте мне исправиться.

Фыркнув, Пратима отвернулась, но прежде чем подойти к другой девочке, сказала:

– Впредь будь внимательна, завтра спрошу с тебя в двойном объеме. Ратна! – поднялась пухлая девочка. Главным

украшением ее лица был забавный вздернутый нос, чудом уместившийся между круглых блестящих щек.

– Почему ее зовут Пратима, а не госпожа Пратима? – шепнула я Малати.

– Потому что мы будущие жрицы Богини, а она – учительница. Если кто-то будет плохо учиться или станет некрасивой, то с ней перестанут заниматься, и она больше не будет жрицей, а останется служанкой. Ой! – на наши шеи опустилась трость.

– Малати, Нейса! Не болтайте! Нейса, слушай внимательно. С завтрашнего дня тебе больше не будет поблажек.

– Это касторовое растение, – между тем тараторила Ратна и ее полные губы забавно оттопыривались и кривились. – Из листьев делают масло для волос, чтобы они стали более густыми и быстрее росли, а семена очень ядовиты.

– Молодец, – девочка удостоилась похвалы учительницы и, казалось, раздулась еще больше. – Сколько семян этого растения достаточно, чтобы убить человека?

– Одного, – бойко ответила Ратна.

– Умница, садись, – горделиво оглянувшись, Ратна опустилась на циновки. – А Малати нам расскажет, через какое время умрет человек, съевший одно зернышко касторового растения.

– Два дня, – улынулась Малати, и ее густые прямые ресницы задрожали, как будто девочка вот-вот рассмеется. Я удивленно задрала голову – Малати поднялась так быстро и

легко, что я этого даже не заметила.

– А это что такое? – Пратима выудила еще одну веточку с небольшими плотно растущими вдоль стебля овальными бледно-зелеными листьями, и кисточками светло-розовых цветочков.

Ресницы Малати снова дрогнули, и она бойко оттарабанила:

– Абрус. При контакте с глазами или открытыми ранами, вызывает смерть. Семена так же ядовиты. Смерть наступает в течение нескольких дней, и села на место также незаметно, как и встала.

– Что за фестиваль? – тихо спросила я, пока Пратима выбирала следующее растение.

– Ежегодный фестиваль, посвященный Богине Матери Кали. Все девочки идут пред повозкой и танцуют. Если ты не попадешь на шествие, то перестаешь быть жрицей. Поэтому никогда не ленись на уроках танцев, – не разжимая губ, произнесла она, чем немало меня испугала, и толкнула: – Слушай внимательно.

А Пратима уже рассказывала о следующем растении.

Урок закончился, когда у меня уже затекли ноги, онемела спина, а все растения смешались в одну коричнево-зеленую массу с торчащими то тут, то там колючками. Но вместо так ожидаемого отдыха, нас повели на улицу. Только девочка, что была нездорова, так и осталась сидеть прислонившись к стене. Ни за что бы не догадалась, что за высокой ширмой,

отгораживающей часть комнаты, прячется дверь. Мы оказались в небольшом огороде. Там были и уже знакомые растения и те, про которые Пратима еще не успела рассказать.

– Теперь берите миски и поливайте, – распорядилась она, взглядом указав на небольшой пруд, возле которого горкой лежала глиняная посуда, а сама взяла загнутую с одного конца палку. После душевной комнаты, девочки радовались, оказавшись на воздухе, и гурьбой побежали к воде, я же застыла на месте. Пратима закатала длинные рукава блузы, и я не могла отвести глаз от длинного и широкого синего шрама, поднимающегося от запястья к локтю. Учительница перехватила мой взгляд, но не опустила рукав. Я сжалась, ожидая наказания, но она лишь нахмурилась.

– Будь осторожна с этими растениями и не трогай те, что незнакомы, если не хочешь получить такой же, – мрачно сказала она. – Иди, поливай. Скоро молитва.

Я отступила и, уже поворачиваясь, увидела, как Пратима склонилась, разрыхляя землю у корней.

Девочки бегали от растений к пруду, веселились и поливали друг друга водой, я же старалась ходить очень осторожно – перед глазами то и дело вставал страшный шрам.

После учебы и работы на огороде, нас отправили мыться. Девочки весело бежали по сумрачному коридору. Ратна опередила всех, и мы периодически слышали вскрики, когда она врзалась в очередной поворот. Малати держала меня за

руку и ступала так легко, что в общем шуме, я даже не слышала ее шагов. Привыкнув к полутьме, я увидела, что большой девочки с нами нет.

– Как же та, что осталась? – обратилась я к новой подружке.

– Не беспокойся о ней, – шепнула Малати. – Вообще ни о ком не беспокойся, кроме себя. И никого не жалея. Завтра поймешь почему, – ответила на мой вопросительный взгляд.

– Тогда, почему ты заботаешься обо мне?

– Одной здесь не выжить. Ты – новенькая и еще не нашла подруг. Я оказалась расторопнее остальных. Но может наступить время, когда мы станем соперницами. Поэтому, не надейся ни на кого, кроме себя.

– Откуда ты все это знаешь? – я так удивилась ее рассуждениям, что остановилась.

– Много где бываю, много что вижу и все запоминаю, – усмехнулась Малати.

– А мне покажешь?

Подруга окинула меня оценивающим взглядом:

– Если не струсил, – многозначительно проговорила она. – А теперь, молчи.

Мы уже подошли ко входу в купальни. Там стояла та самая женщина, которая утром хотела содрать с меня кожу, и давала каждой чистую одежду. Оставив аккуратные стопки на тех же скамьях, где я раздевалась, девочки побежали к воде и продолжили веселье там. Они по несколько человек

прыгали в купальни, брызгались, терли друг друга стеблями тростника и намыливали головы, сооружая из волос причудливые прически. Присоединились к общему веселью и мы.

Когда женщина при купальнях решила, что уже довольно, она прикрикнула на нас и приказала одеваться. Мы облачились в похрустывающие сари и нас повели на вечернюю молитву.

В храме мы молились отдельно от горожан, нас разделяла ажурная, увитая цветочными гирляндами перегородка. Здесь же я увидела и остальных девушек, и девочек – оказывается, при храме жили не только те воспитанницы, с которыми я сидела на уроках. Незнакомки стояли двумя, объединенными по возрасту группами. В одной девочки были чуть старше нас, а в другой – совсем взрослые. Среди них я узнала и утреннюю купальщицу. Девочки, что постарше, смотрели на нас с горделивым превосходством, а взрослые – стояли со спокойным достоинством и обращали на всех остальных столько же внимания, сколько слон обращает на муравья. Я засмотрелась на их украшения и прослушала всю молитву. Очнулась, только когда Малати толкнула меня в бок, чтобы подошла к священнику и получила тилак. Девушки плавными, царственными походками плыли впереди и скрывались в предназначенной для них комнате. Прошли в спальню и мы. Девочки бросились к своим постелям, а Малати потянула меня за руку.

– Будешь спать со мной, – заговорщицки прошептала она.

Я же не могла отвести взгляд от девочки у стены – кажется, с тех пор, как мы вышли на улицу, она не сдвинулась ни на полпальца и выглядела очень бледной.

– Давай, пошевеливайся, не зевай по сторонам, – подталкивала меня Малати, расстилая циновки.

Вскоре в комнату вошла Пратима.

– Пейте молоко и спать! – распорядилась она и обвела взглядом притихших девочек.

В полном молчании она давала каждой кувшинчик молока, предварительно влив туда что-то из прозрачной бутылки, и кусок лепешки. Я очень проголодалась и с аппетитом жевала, запивая большими глотками молока. К моему удивлению, остальные пили молоко очень медленно и осторожно.

Подойдя к той девочке, что выглядела больной, Пратима немного подумала и не стала ничего добавлять в кувшин.

– А почему ей ничего не добавили? – спросила я у Малати, кивнув на девочку.

– Потому что уже бесполезно, – серьезно ответила она. – Вот от этого молока, ни в коем случае нельзя болеть. Но тебе вряд ли это грозит, – заявила подруга, укладываясь поудобнее. – Ты ведь выжила после укуса кобры, – сладко зевая, закончила она.

Шорохи постепенно стихали, но мне не спалось. Перед глазами кружились растения, они оплетали мои руки и оставляли страшные синие шрамы, а молоко кололось в животе красными иголками.

– Малати, ты спишь? – тихонько потрясла подругу за плечо.

– Сплю, – буркнула она. – И тебе советую. Завтра пожалеешь, что не заснула.

– Я не могу. Скажи, а откуда ты столько знаешь?

Малати повернулась ко мне и распахнула глаза, как будто совсем и не спала.

– Я живу здесь, сколько себя помню. Говорят, что меня нашли на пороге и взяли на воспитание. Я помогала в украшении, в уборке храма. Меня не хотели учить, но я очень просила и, наконец, когда кончились дожди, верховный жрец разрешил брать уроки. А до этого времени я узнала каждый переход, каждый закоулок и много чего видела. Видела, как девочек приводили, а через некоторое время выносили, как ее, – приподнявшись на локте, Малати указала подбородком на больную девочку. Видела, как скрывая лица, приходили мужчины в богатых одеждах, а потом одну или нескольких девушек уводили. Кто-то из них возвращался, кто-то – нет.

– А куда их уводили? – испуганно прошептала я.

– Чтобы они кое-кого отправили к нашей Матери, – в темноте блеснули белые зубы.

– Кого? – кажется, я перестала моргать.

– Того, чей срок пришел. Ведь мы Ее жрицы. Ну, или будем ими, если окажемся достаточно способными.

– А если не окажемся?

– Тогда, выгонят за стены храма, как и многих до нас. А ты

как сюда попала? Говорят, тебя привел купец? – глаза Малати сверкали в темноте, как звезды. – Тебя продали родственники?

– Нет! – возмутилась я. – У меня есть родители, сестра и брат, и они меня любят! Наш пандит сказал, что мне суждено стать жрицей, а купец проезжал мимо нашего поселка и согласился доставить меня в храм. Я обязательно буду жрицей, потому что это моя судьба! – я рассердилась на подружку и отвернулась. Захотелось домой, обнять мамины колени, играть с Анви и Реяншем, слушать, как ветер пересыпает песок. Меня не могли продать! По щекам покатались слезы обиды, и я засопела.

– Значит, продали, – Малати улеглась и свернулась клубочком.

Глава 5. Ночные похождения

Проснулась неожиданно, услышав голос мамы. Я знала! Знала, что меня не продали. Малати все наврала! Ей просто обидно, что у меня есть семья, а у нее нет. Но мама меня любит, она пришла забрать меня домой. Я опустила ноги на пол и только тогда заметила, что место рядом пустует – Малати исчезла. Проигнорировав деревянные шлепки, я неслышно шла босиком к скрытой за ширмой двери. У самого выхода спала Пратима. Не дыша, я проскользнула мимо нее и оказалась в залитом лунным светом дворе.

Огород напоминал о себе сгустком мрака и, не зная, какие еще есть опасные растения, я постаралась обойти его стороной. Путаясь в широких штанах, я бежала к возвышающейся над садом неровной стене. Задыхалась и, скользя пальцами по шершавой поверхности, искала выход. Ведь если опоздаю, то мама может меня не дожидаться.

Казалось, стена никогда не закончится. Я думала, что уже несколько раз обежала по кругу, и отчаялась, когда перед носом выросла еще одна стена – храм. Я едва не расплакалась от досады, но увидела темную полосу, разделяющую светлую кладку, и полезла в узкую, годную разве что для кошки щель.

Испачкалась сама, испачкала одежду, ободрала пальцы, но выбралась на улицу и... увидела пустую, убегающую вдаль дорогу. А где мама? Она была здесь. Я знаю, я ее слы-

шала. Немного постояла посередине дороги и оглянулась – за спиной деревья отбрасывали густую тень. Было темно и страшно, и я пошла навстречу луне. Из канавы около дороги поднялась тощая фигура, обрывки одежды трепало ветром, как гирлянды у храма. Покачиваясь, она направилась ко мне.

– Мама? – несмело шагнула навстречу, но кто-то сзади цепко схватил меня за руку и потащил в тень храма.

От страха перехватило дыхание, я не могла даже закричать, когда, обернувшись, увидела в тени покрывала знакомые блестящие глаза.

– Малати? – губы еще плохо слушались, и говорить получалось с трудом.

– Ты куда собралась? – нахмурившись, она сняла покрывало, под которым мы спали, и укрыла нас обеих. – Нельзя одной выходить на улицу. Особенно ночью. Тот бродяга мог тебя поймать и потом куда-нибудь продать. Не бывать тогда тебе жрицей.

Она тащила меня обратно в храм – за статую Богини, по, видимо известному только ей, лазу. Не знаю, ходят ли здесь взрослые, но мы передвигались пригнувшись и готовы были уже выйти в коридор, ведущий к спальне, как Малати отдернула меня и зажала рукой рот. Мы стояли прижавшись к стене и не дыша, пока мимо не прошла Пратима с девочкой на руках.

– Тихо, – шикнула на меня Малати, – В коридоре может быть кто-то еще. Пойдем другим путем, – и повернула об-

ратно.

Через несколько минут, показавшихся мне вечностью, она, а следом и я, нырнули в совсем узкий лаз и, протиснувшись, оказались у пруда, из которого поливали огород.

– Как же ты испачкалась, – заметила Малати, оглядев меня при свете луны. – Нельзя, чтобы тебя такой увидели, – она отряхивала мою одежду, пока я умывала лицо. Сама подруга, если не считать грязных ног, выглядела, будто только что искупалась. Закончив, мы вернулись в комнату. Пра- тимы все еще не было.

Все спали, и никто не заметил нашего временного отсутствия, только место заболевшей девочки пустовало.

– Если нас могут продать, то как ты не боишься покидать пределы храма? – задала я волнующий вопрос, когда мы забрались на настил и укрылись с головой.

– Я знаю, как войти и выйти незамеченной, а также, как передвигаться по городу, – сонно ответила Малати.

– Куда ты ходила? – не отставала я.

– Это мое дело, – плотнее закутываясь, отрезала Малати, показывая, что не собирается продолжать разговор.

Глава 6. Уроки танцев

На следующий день нас подняли с восходом солнца. Как и предупреждала Малати, ночная прогулка не прошла бесследно. Я еле встала и, отправляясь на утреннее купание, с трудом переставляла ноги. Потерла слипающиеся глаза и взглянула на подругу – она бодро шагала рядом. Как всегда веселая и подвижная, словно не пропадала неизвестно где всю ночь.

– Неужели ты не хочешь спать? – мне приходилось делать усилие, чтобы одновременно говорить, идти и не наткнуться на других девочек.

– Если хочешь много успеть, надо меньше спать, – рассмеялась Малати и толкнула меня в купель.

После молебна, на котором, как я заметила, Малати дремала, спрятавшись за одной из колонн, нас повели в замощенный гладкой плиткой внутренний двор. Туда же пришли и старшие девушки. Их было немного – четверо или пятеро, но в ярких легких нарядах, они выглядели, как стайка бабочек. Нас, младших, разбили на пары и, чтобы не мешались, посадили в стороне.

Старшие девочки перепархивали с места на место. Широкие юбки развевались. Пуская зайчиков, покачивались длинные серьги и позвякивали тяжелые браслеты. На бердах у каждой лежали блестящие и чешуйчатые, словно змеиная

кожа, пояса. Рисуя замысловатые узоры танца, девушки передвигались практически вплитирку, но, тем не менее, не задевая друг друга. Я смотрела на них открыв рот и не заметила, как, поджав ноги, напротив меня села Малати, взяла за руку и отгибала пальцы к тыльной стороне ладони.

– Ай! – воскликнула я и наконец посмотрела на подругу, когда показалось, что пальцы сломаются. – Зачем ты ломаешь мне руку?! – я постаралась отобрать ладонь.

– Тихо! – шикнула Малати. – Хочешь быть как они? – она кивнула на танцовщиц. Только сейчас я заметила, что их кисти выгнуты, словно лепесток лотоса, и согласно покачала головой. – Тогда, терпи, – неумолимо продолжила подруга. – Когда надавлю на пальцы, выдыхай, – дала напоследок совет.

Чтобы отвлечься от тянущей боли, я снова стала смотреть на танцовщиц. К этому времени они сняли пояса, превратившиеся в сверкающие хлысты, и теперь мотыльками мелькали между изгибающимися сверкающими змеями.

Я поняла, что снова сижу с открытым ртом, когда Малати меня толкнула и велела взяться за ее руки. Пальцы подруги были более гибкими и послушно отклонялись, едва не касаясь запястья.

Отпустив старших девушек, Мохини – учительница танцев – подошла к нам.

– Ну что, – подперев руками массивные бока, спросила она, и, казалось, что от низкого раскатистого голоса, задрожала листва. – Готовы? Сейчас я проверю, насколько усерд-

но вы трудились.

Несмотря на нависающий над нарядным сари темный живот, Мохини двигалась на удивление легко и грациозно. Полные руки были быстры и при этом не суетливы. Перемещаясь между девочками и разливая из кувшина воду в выемки стоящих рядом с ними камней, она не делала ни одного лишнего жеста и излучала спокойное достоинство. Блестящие браслеты позвякивали в такт каждому движению и пускали солнечных зайчиков, а сари красиво колыхалось и ложилось мягкими складками.

– А теперь, – словно слон, протрубила Мохини. Засмотревшись на нее, я от неожиданности подпрыгнула на месте, и со всех сторон послышались смешки, но учительница не обратила на них внимания. – Вы все положите руки на камни, и у кого ладонь останется сухой, не будет допущен к следующему занятию.

Я перевела взгляд на камень рядом и едва не расплакалась – выемка в нем была такая глубокая, что мне никогда не коснуться налитой на самое дно воды. Прикусив губу, я старалась добраться до спасительной влаги. Пальцы болели, но у меня все равно ничего не получалось. Наконец, когда уже чувствовала за спиной горячее дыхание, вырывающееся из могучей груди учительницы, Малати резко надавила мне на костяшки. Я вскрикнула от боли и одновременно почувствовала, как ладонь касается воды, и, когда Мохини подошла ко мне, смело предъявила ей мокрую руку.

– Хорошо, – окатило меня раскатистой волной. – Теперь ты, – невероятно легко для ее внушительной комплекции, Мохини повернулась к Малати.

Широко взмахнув рукой, словно исполняя танец, Малати опустила ладонь на камень, и ее пальцы так легко выгнулись, будто там совсем не было костей, а на полу образовалась небольшая лужица от выплеснувшейся воды. Затем быстрым и изящным жестом предъявила учительнице мокрые пальцы.

– Молодец, – Мохини положила большую, похожую на мужскую ладонь на голову подруги. – Будешь так же старательно относиться к занятиям, то обязательно попадешь на шествие, – и величественно пошла дальше.

У Ратны задание тоже не вызвало затруднений. Не так легко, как Малати, но она тоже коснулась ладонью воды. Намного хуже обстояло дело у Падмы – как она ни старалась, как ни давила на руку, но вода продолжала оставаться недостижимо далеко.

– Ты очень ленивая девочка, раз не смогла справиться с таким простым заданием, – зависнув над ней, грозно прогудела Мохини. – Леня очень хорошо лечится физической работой. Может, тебя отправить стирать одежду? И тогда сможешь избавиться от своего порока?

– Пожалуйста, не надо. Я буду очень стараться и много трудиться, – Падма подняла на Мохини полные слез глаза.

– Хорошо, оставлю тебя до следующего занятия, – сжалась учительница и, уже развернувшись, чтобы уйти, палкой

надавила на руку Падмы так, что бедняжка вскрикнула, зато ее ладонь точно легла в углубление камня. – А теперь все встаньте и подойдите ко мне.

Мы выстроились полукругом, и Мохини раздала всем браслеты. Очень странные – гладкость внешней поверхности нарушали выпуклые дорожки. Учительница обошла нас и порошком окрасила браслеты каждой девочки в особый цвет.

– Теперь, каждая из вас змейкой пройдет между остальных. Старайтесь никого не задеть. После того, как все закончат задание, я проверю кто из вас оставил больше всего краски. Начали! – она хлопнула в ладоши, и та, что стояла первой, начала просачиваться между нами, после чего встала с другого конца полукруга.

Она очень старалась никого не задеть, но все равно, кое на ком остались оранжевые полосы от ее браслетов. Следующей была Ратна. Она очень торопилась обойти всех, поэтому постоянно оступалась и едва не падала. Конечно же, синих следов от ее браслетов было намного больше. Мохини недовольно нахмурилась и сделала знак следующей девочке. Ей оказалась Малати.

– Смотри, как я буду делать и постарайся повторить, – шепнула она и, пританцовывая, стала обходить девочек, а я внимательно наблюдала. И не только я, все будущие жрицы не отводили от нее глаз. Легко, как вода протекает сквозь пальцы, Малати обходила подруг. Не делая лишних движе-

ний и всегда стараясь держаться вполоборота, она умудрилась никого не задеть, и вся черная краска осталась на ее браслетах. Даже в конце, когда расстроенная и кусающая губы Ратна отставила руку, надеясь, что соперница на нее на ткнется и испачкает, Малати легко и изящно увернулась и заняла свое место.

Мохини одобрительно улыбнулась, а потом, снова став суровой, посмотрела на меня. После Малати выполнять задание было страшно. Я была уверена, что не смогу справиться с ним так же блестяще. Ноги дрожали и подгибались, из-за образовавшегося в горле комка не могла нормально дышать, но увидев, как, постукивая палкой, Мохини направляется ко мне, сдвинулась с места. Я старалась идти так же плавно, как подруга, и делать не более одного шага на каждую девочку. В результате, мне удалось пройти почти всех. Только в конце, когда оставались Ратна и Малати, я немного осмелела и задела первую, оставив красную черту. Конечно, расстроилась, сбилась с темпа и едва не задела Малати, но подруга уклонилась.

– Спасибо, – вставая рядом, шепнула я.

– Что же, неплохо, – громыхнула Мохини, – Но было бы еще лучше, если бы не теряла сосредоточенности. Следующая!

Пробираясь между девочками, неуклюжая Падма растолкала всех. На каждой из нас красовались полосы зеленой краски, а она сама оказалась испачкана с ног до головы, слов-

но праздновала Холи.

Мохини на нее даже не взглянула и снова встала перед нами.

– Смотрите внимательно, – призвала она к порядку перешептывающихся девочек, и все взгляды обратились к ней.

Мохини взмахнула руками в красивом жесте и прикоснулась к мочке уха, будто надевал сережку.

Мы должны были повторить, при этом самим не испачкаться краской с браслетов и не испачкать соседок. Когда у нас получилось прикоснуться к мочке одновременно, Мохини усложнила задание – мы снова должны были пройти мимо друг друга уже выполняя это движение и опять никого не задеть.

От напряжения у меня тряслись ноги и руки, но все-таки я смогла пройти и на этот раз никлого не задеть.

– Молодцы! – хлопнула Мохини в ладоши так, что мне показалось будто мощный двор закачался. – Можете идти, а ты, – она ткнула пальцем в раскрашенную разными цветами Падму, – останешься отмывать браслеты.

– Но тогда я не попаду на урок Пратимы, и она не разрешит больше их посещать, – воскликнула Падма. – Пожалуйста, позвольте мне сейчас уйти, а после занятий я приду и все отмою, – несчастная сложила ладони и поднесла их к склоненному лбу.

– Об этом надо было думать до того, как лениться на моих занятиях, – жестко отрезала Мохини. – Неужели другие

девочки должны заниматься с грязными браслетами, потому что ты хочешь попасть на урок? Идите, вы же не хотите тоже пропустить урок? – прикрикнула она на нас, а потом повернулась к Падме. – А ты приступай к работе.

Не решаясь послушаться, мы вереницей потянулись в комнату и спиной чувствовали несчастный взгляд устроившейся на полу Падмы.

Глава 7. Первая потеря

Взмокшие и перепачканные, мы пришли на урок Пратимы и, толкаясь, рассаживались на настилах.

Учительница уже ждала нас с новой охапкой трав.

– А где Падма? У нее долг со вчерашнего дня, – она обвела нас суровым взглядом и устала на пустующее место.

– Ее задержали на предыдущем уроке, – отозвалась кто-то из девочек.

– Значит, она не так уж и хотела попасть на мой урок, иначе, занималась бы более прилежно и не заслужила наказания, – Пратима потеряла всякий интерес к отсутствующей ученице. – Что же, начнем, – обратилась она к нам. – Нейса, ты у нас новенькая. Проверим, как ты усвоила вчерашний урок.

Пратима вытащила из пучка веточку с узкими, словно иголки, короткими листиками и ярко-красными горошинами ягод.

Я облегченно выдохнула – благодаря красивому сочетанию светлой зелени и ягод, запомнила это растение и сейчас бодро рассказывала, что в нем ядовиты и листья, и побеги. Даже нахождение рядом с ним в течение длительного времени может привести к смерти. А если подать напиток в кубке, изготовленном из его древесины, то принявший угощение не будет больше ни есть, ни пить.

– Молодец, – скупой улыбнулась Пратима и уже поднимала следующую девочку, а я, смущенная от того, что удостоилась похвалы, села на место, и Малати тайком пожалала мне руку.

Учительница опросила еще несколько девочек, рассказала про новые растения, и в коридоре послышался шум шагов, извещавший о наступлении обеда.

Все оживленно завозились, а Пратима пошла открывать дверь. В проеме показалась Падма. По девочкам прокатился шепоток, а бывшая ученица стояла потупив голову и не глядя на нас.

Учительница забрала еду и захлопнула дверь. Ели тихо, без обычных шуток. То, что нас стало меньше на одного человека, давило каменной плитой.

После обеда мы опять вышли во двор. Солнце садилось и на улице было намного свежее, чем в раскаленных стенах жилой части храма. К тому же, поливая растения и рыхля землю, мы брызгались друг в друга и от этого тоже становилось чуточку прохладнее. Теперь я уже не бездумно смотрела на цветы и кусты. Я знала чем они опасны и обращалась аккуратно, стараясь не задевать листья и цветы некоторых из них. Глядя на тонкие нежные лепестки с яркими прожилками, резные прозрачные листья или сочные ягоды, не верилось, что такая красота может нести смерть. А вот незнакомые растения по-прежнему обходила стороной.

– Молодец, Нейса.

Я удивленно обернулась – Пратима стояла и смотрела, как

я огибаю высокие стрелки с ярко-синими цветами.

– Это аконит, он ядовит и легко впитывается через кожу. Ожогов ты не получишь, но можешь почувствовать себя плохо, а перед вечерним молоком это будет совсем лишним.

Похвала учительницы была приятна, и я смущенно потупилась, а сзади раздался короткий смешок. Обернувшись, увидела удаляющуюся спину Ратны. Еще в танцевальном зале, когда Малати ускользнула от ее браслетов и помогла мне, девочка стала на нас недовольно коситься. И я решила на всякий случай держаться от нее подальше.

После длительного и веселого купания, мы отстояли обязательную вечернюю молитву и пошатываясь от усталости вернулись в комнату, а там каждую ждал неизменный кувшинчик молока с капелькой желтоватой жидкости.

Уснула я сразу, как легла, но точно помню, что подруга была рядом. Проснулась посреди ночи, потому что показалось слишком много места. Рядом со мной было пусто – Малати опять исчезла. Сон куда-то пропал, я немного поворочалась, но боясь разбудить соседок, встала и тихонько вышла в коридор. Я решила дождаться подругу у лаза, но плохо помнила дорогу и, заблудившись в узких коридорах, оказалась в тесном проходе между двумя строениями и даже не поняла какими.

Соображая, как выбраться из лабиринта переходов, я прислонилась к стене и увидела какое-то движение в противоположном конце пролета. Испугавшись, что мое присутствие

обнаружится, я вжалась в каменную кладку. Темная фигура дошла до середины и, присев, что-то делала у стены. Я постаралась стать как можно более незаметной, но тут что-то меховое коснулось босых ног. Желая удержать вскрик, я зажала рукой рот и обратила на себя внимание незнакомца. Он подлетел ко мне и больно схватил за руку.

– Ты что здесь делаешь? – у незнакомца оказался детский голос, да и рост такой же. – Шпионишь за мной? – покрывало сползло с головы, и в рассеянном свете луны я увидела блестящие глаза Малати.

Я чуть не бросилась ей на шею, но подруга меня остановила.

– Ты зачем здесь? – чуть ли не зло продолжала спрашивать она. – Сейчас побежишь доносить учителям или до утра подождешь? А, может, хочешь меня обокрасть?

– Что? – я растерянно хлопала ресницами. – Малати, это же я, Нейса! – я схватила ее за руки. – Я проснулась, но тебя не было. Я волновалась, не могла уснуть и пошла тебя встречать, но заблудилась. Малати, мы же подруги. К тому же, что у нас есть? Что я у тебя могу украсть?

– Пойдем, – в темноте сверкнули белоснежные зубы, и я почувствовала на руке пальцы подруги.

Малати подвела меня к тому месту у стены, где она что-то делала до того, как обнаружила мое присутствие. Вынула из кладки нижний камень – за ним оказалась деревянная коробка. Подруга достала ее и, развернув уголок покрывала,

на миг показала мне, а потом положила в шкатулку горсть монет.

– Я заработаю много денег, выйду замуж и уйду отсюда, – прошептала она.

– Где?! – прошептала я после того, как прошло изумленное онемение. Подруга только подмигнула.

Глава 8. Тайна Малати

Время слилось в один сплошной нескончаемый день. Мы молились, перетирали травы, изучали и поливали растения, на дрожащих от утомления ногах возвращались с уроков танцев. Казалось, что это не закончится никогда, но, наконец, наступил долгожданный выходной.

После омовения и утренней молитвы все учителя и наставники куда-то ушли, и мы остались предоставленные самим себе. Кто-то из девочек лег спать, несколько убежали к пруду и плескались там, а я решила попрактиковаться в танце, тем более, что на последнем уроке получила замечание за то, что когда надо было замереть неподвижно, у меня начали трястись колени.

Я выставила одну ногу вперед, присела, так, чтобы она согнулась под прямым углом, а оставшаяся сзади нога не касалась пола, и замерла, отсчитывая удары сердца. На десятом толчке ноги снова начали дрожать, и я едва не падала, но старалась сохранить равновесие, когда, незаметно появившись рядом, Малати коснулась моей руки.

– Хочешь знать, куда я хожу? – еле слышно спросила она.

Я кивнула.

– Надевай джути и пошли. Не забудь дупатту, – донесся еле слышный голос подруги.

Все девочки занимались своими делами, и, незамеченные,

мы вышли в огород, снова пробрались по узким переходам и оказались на улице.

– Закрой лицо, – удержав меня в тени стены, предупредила Малати и сама закуталась в дупатту так, что на виду остались только озорные глаза. – Нас никто не должен узнать. Ни один живой человек не видел и не увидит виша-канью. – Что ты застыла?! – она дернула меня за руку.

А я не могла отвести от подруги глаз. Сейчас, когда укрывающая ее шаль спрятала лицо и волосы, Малати оказалась одета не в обычное сари, а в короткую, расшитую блузу и яркую летящую юбку. На бедрах от каждого движения позвякивали латунные кругляши.

– Пойдем-пойдем, – она тянула меня за руку. – Сегодня ярмарка, и я не могу пропустить ее из-за тебя.

Я укрыла волосы и лицо шарфом и, взявшись за руки, мы побежали по пустой, залитой солнцем улице.

Деревянные подошвы сандалий глухо ударялись о землю и звонко шлепали по пяткам, вскоре ступни начали гореть так же, как в первый день, когда их оттирали камнем. По шее и спине градом катил пот, я остановилась, стараясь отдышаться.

– Скорее, опоздаем, – нетерпеливо приплясывала подруга. Она словно и не бежала во весь дух и не чувствовала полуденного зноя.

Я отдышалась, и мы снова припустили по улице. Когда появлялись редкие прохожие, прятались за деревьями или

сворачивали в переулки, пока не добрались до огромной го-
монящей площади. Люди смеялись. Мужчины обнимались
и пили зеленоватое молоко, после чего смеялись еще гром-
че и веселее. Женщины стайками подходили к торговцам и
примеряли украшения или рассматривали искусную вышив-
ку на нарядах. Звенели браслеты, задорно сверкали глаза,
взмывая и опадая, переливались голоса.

Детвора замороженно наблюдала за заклинателем змей.
Рядом с ним на расстеленном покрывали сидела малышня
и присматривала за свившимися в кольца длинными скольз-
кими телами.

Малати дала ребенку монетку и взяла одну из змей, бе-
ло-желтую, толстую. С тихим шипением и, показывая крас-
ный раздвоенный язык, она стала обвиваться вокруг подру-
ги.

Но Малати не позволила ей сомкнуть кольца. Своевре-
менно направляя, она позволила змее свободно ползать по
телу, а сама, напевая, закружилась в танце.

Голос подруги, звонкий и мелодичный, взмывал к небу и
опадал на празднующих, собирая их в круг, посередине кото-
рого она танцевала.

Малати подмигнула мне и кивнула на зевак. Я пошла по
кругу, подставляя свободный конец дупатты под монеты, ки-
даемые щедрой или не очень рукой.

Тонкие руки взлетали над головой, покрытые пылью ноги
мелькали из-под юбки, стан изгибался не хуже, чем у змей.

Малати мотыльком порхала с места на место и, опираясь только на пальцы, покачивалась, словно цветок на ветру. Создавалось впечатление, что это не стоит ей никаких усилий. Зрители посмеивались и одобрительно качали головами, но я видела, как по вискам подружки стекают струйки пота, а ступни покраснели.

Кружась, она тем не менее не сводила глаз с одной точки, будто пыталась удержать кого-то.

Я проследила за ее взглядом и увидела двоих – мужчину и юношу, они выделялись на фоне веселящейся толпы, как ростом, так и одеждой, поражающей богатой вышивкой и благородным блеском. У обоих в левом ухе было по маленькому золотому колечку, а за широкими поясами шаровар виднелись кинжалы, вернее, их рукоятки из слоновой кости, украшенные яркими, блестящими на солнце камнями. Мужчина и юноша были так похожи – высокие скулы, пронзительный взгляд карих глаз, прямые носы – что не оставалось сомнений – они отец и сын. У старшего губы прятались под длинными черными усами и густой бородой, у младшего же – аккуратными очертаниями темнели на гладком лице.

И они оба не сводили глаз с Малати: отец – с веселым любопытством, а сын – с каким-то странным напряженным вниманием.

Я настолько засмотрелась на странную парочку, что совсем забыла о своей обязанности, и Малати, приблизившись в танце, ощутимо меня толкнула. Я очнулась, подошла к ним

и подставила угол дупатты.

– Отец, посмотри, еще одна, – младший из двоих удивленно меня разглядывал. – Кажется, в нашем городе кто-то занимается тайным разведением цветов. Он достал из-за пояса мешочек, и серебряная монетка упала в подставленную шаль. – А ты почему не танцуешь?

Он еще какое-то время рассматривал меня, а потом снова повернулся к Малати. Мне стало обидно и очень захотелось научиться танцевать так же красиво, как и подруга, чтобы и от меня зрители не могли отвести взгляд, и чтобы в обращенных на меня глазах горел тот же алчный огонь, что и в глазах молодого кшатрия.

Я уже хотела было уйти от них, но тут заговорил старший. Его голос накатывал на меня, так же, как волны бились о пристань, на которую меня как-то водила подруга.

– Откуда ты, девочка? – и в шаль опустилась еще одна серебряная монета. – Где ваш с сестрой дом?

Он не видел, как под дупаттой мой рот от удивления открылся сам собой, но округлившиеся глаза не заметить не мог.

– Не бойся, я тебя не обижу. Но не следует девочкам в вашем возрасте одним танцевать на улице. Где ваши родители?

Не зная, что делать и отвечать, я испуганно обернулась на подругу и отступила от знатного мужчины.

– Отец, не смущайте девочек, – не отводя взгляда от Малати, произнес юноша. – Наверняка, не от сытой жизни вы-

шли на улицу развлекать народ. К тому же, кажется, она немая.

Воспользовавшись тем, что мужчина отвлекся на сына, я ускользнула от них и продолжила обходить зрителей, с другой стороны.

Серебряных монеток больше не бросали, но все-таки поблескивающая горка продолжала расти.

Когда знатная парочка отошла достаточно далеко, чтобы забыть о нас, но недостаточно, чтобы потеряться из виду, Малати прекратила танец, отдала мальчишке змею и, схватив меня за руку, потащила из сквозь толпу. Я еле успела завязать дупатту, чтобы не растерять монетки.

– Почему мы уходим? Я еще не успела всех обойти. Ты могла заработать больше, – задыхаясь, спрашивала я.

– Молчи, – шикнула на меня Малати.

Она сама, прячась в тени, вжалась в дерево и тянула в тень меня. А впереди степенно двигались две спины в богатых одеждах.

Так, перебегая от тени к тени, прячась в узких проулках от веселящихся горожан, мы дошли до большого богатого дома, возвышающегося над искрящимся под солнцем морским простором.

– Я выйду за него замуж, – подруга указала взглядом на скрывающуюся за высокой стеной спину молодого человека. – И мы будем жить здесь. Он будет очень сильно меня любить, и у нас будет много, очень много детей, – она сказа-

ла это так уверенно, что невозможно было не поверить.

Я посмотрела на величественный особняк, длинные резные галереи, высокие, забранные ажурной решеткой окна и, как наяву, увидела подругу. Открывая тяжелые двери, она нарядная, с аарати и подношениями, в сопровождении го-монящих ребятишек отправлялась на службу. Кружилась в танце по нескончаемой галерее под восхищенным взглядом мужа, получала благословение и подарки от свекров.

Мне тоже захотелось такой жизни, но пандит сказал, что я принесу несчастье в семью мужа.

– Откуда ты знаешь, что он женится именно на тебе? – немного обиженно спросила я. – Может, он выберет в жены знатную и богатую девушку. Зачем ему уличная танцовщица? – сказала и испугалась, что Малати обидится, но она лишь рассмеялась. Очень звонко и весело.

– Женится! – она задорно сверкнула черными глазами. – Он уже меня любит, только еще не знает этого. А когда узнает, то ничто его не остановит.

И я снова подивилась уверенности, с которой говорила подруга.

– Пойдем, а то нас хватятся, – она взяла меня за руку и потянула.

Возвращались мы преимущественно переулками, стараясь не попадаться на глаза прохожим. Протиснулись в узкий проход, и Малати, разделив монеты, спрятала свою часть за камнем.

– А ты свои куда денешь? – в полумраке виднелись только блестящие белки глаз и сверкали в улыбке зубы.

Не зная храмовые закоулки, я пожалала плечами.

– Давай сюда! – Малати протянула руку. – Да не бойся, я твоего не возьму, – ногти царапали по рукам, сжимающим пригоршню монет. – Когда я исчезну, будешь знать, где искать – твоя часть будет дожидаться здесь.

Дернув, она оторвала кусок от моей дупатты, завернула в него заработок и сунула за камень.

Мы пробрались к пруду, обмыли ноги и освежили шеи, после чего вернулись в общую комнату.

– Где вы были? – уперев руки в мягкие бока, нас встретила Ратна. Ее прищуренные глаза, казалось, совсем спрятались за тяжелыми, масляно поблескивающими щеками. – Вы разве не знаете, что нельзя покидать территорию храма? – она продолжала сверлить нас щелками глаз. – Я сейчас же все расскажу Пратиме, – и еще выше подняла и без того вздернутый нос.

– Иди! – Малати просияла широкой улыбкой. – А хочешь? Пойдем вместе!

Ратна замешкалась и неуверенно посмотрела.

– Передумала? – участливо поинтересовалась подруга. – И правильно. Не стоит звать беду на свою голову. Ведь мы, в отличие от тебя, не спали весь день, а усердно занимались, чтобы не оплошать на уроке танцев. Нейса так увлеклась, что даже не заметила, как наступила на дупатту и порвала ее, –

Малати незаметно мне подмигнула и хитро улыбнулась.

А Ратна, разочарованно фыркнув, снова улеглась и укрылась пледом.

Глава 9. Подготовка к шествию

На первый взгляд следующий день начался, как обычно – мы совершили омовение, отстояли службу и собрались во внутреннем дворе.

Ожидая Мохини, девочки расселись на полу и болтали. Едва я опустилась рядом, как Малати толкнула меня в бок и взглядом указала на ненавистные выемки в камнях, напоминающая о необходимости заниматься. После вчерашней беготни по городу, болели мышцы и горели ступни, поэтому я решила сделать вид, что не поняла знака подруги и вместе со всеми стала насмеяться над Падмой.

Но стоило Малати отойти, как шутки девочек перестали казаться смешными, и я покосилась на подругу – на меня она больше не смотрела, отошла от веселящихся девочек и стала отрабатывать движения, надолго застывая в невообразимых позах.

И вдруг стало стыдно. Малати всегда мне помогала, поддерживала, рассказала свой секрет, а сейчас, я словно ее предала. Лицо пылало, словно его опустили в горшок с горячим рисом. Я подошла к подруге и попыталась повторить ее движения. Освобождая мне место, Малати молча подвинулась, но показалось, что ее взгляд подобрел, и по губам скользнуло подобие улыбки.

Малати выставила одну ногу вперед и присела. Оставша-

яся позади нога всего лишь на волосок не доставала до пола, и подруга застыла, удерживая вес тела на одной опорной ноге и пальцах другой.

В ее исполнении это выглядело настолько легко, что я поспешила повторить. Благодаря усердным занятиям, на этот раз я выдержала дольше, но все равно, вскоре ноги начали ощутимо дрожать, а потом и подпрыгивать. Несмотря на это, я старалась сохранить неподвижность, пока не упала. Оглушенная, не сразу поняла, что пришла Мохини. Как всегда, несмотря на внушительный вес, она появилась незаметно и сейчас равномерно и неторопливо хлопала большими ладонями.

– Так-так-так, – прогудела она. – Только Нейса и Малати планируют принять участие в предстоящем шествии? Остальные уже выбрали чем будут заниматься? Стирать, готовить или убирать? Молодцы, девочки.

Наверное, мне никогда не привыкнуть, к тому, что у такой внушительной женщины могут быть настолько мягкие пальцы, сейчас коснувшиеся моей щеки и щеки Малати.

Остальные девочки поспешно выстроились полукругом.

– Возможно, вы уже знаете, а если нет, то сейчас узнаете, – многозначительно сказала Мохини и помолчала, обводя нас пронзительным взглядом.

Очень хотелось сжаться в комочек и стать совсем незаметной, но усвоив болезненный урок, мы хоть и дрожали, но держали спину.

Кажется, Мохини осталась довольна и продолжила:

– Приблизилось самое главное испытание для будущих жриц. Начиная с сегодняшнего дня, усилия всех ваших наставниц будут направлены на подготовку вас к шествию. Внимательно слушайте, запоминайте, не ленитесь, и все будет хорошо. Те, кто не попадет на шествие, не будет допущен к следующему этапу обучения. Приступим! – она резко повернулась и складки сари заколыхались на необъятном теле.

Этот урок был сложнее и продолжительнее предыдущих. Мохини требовала, чтобы мы двигались одновременно, не сталкивались и не спотыкались, а браслеты на руках и щиколотках, звенели в такт и дополняли танец. Стоило какой-нибудь девочке сбиться и испортить рисунок, Мохини сурово хмурилась, и несчастная мечтала провалиться сквозь землю, лишь бы не стать причиной недовольства учительницы.

По окончании урока, когда все мокрые мы собирались на урок к Пратиме, лишь одна девочка удостоилась скупой одобрительной улыбки. Конечно же, ею стала Малати. Но после ее выступления на площади, я уже ничему не удивлялась. Казалось, что она существует лишь для того, чтобы танцевать.

Пратима удивила не меньше Мохини. Мы расселись на настилах и приготовились к тяжелому и тоскливому перетиранию трав, разбавляемому только окриками наставницы и шутками девочек, но Пратима раздала нам по полотнищу тонкой шелковистой ткани и велела взять с полок за ширмой

лампы и пиалы.

Когда мы расселись обратно и расставили все, что принесли, Пратима обошла нас с двумя кувшинами. Из одного она наполняла пиалы, а из другого – лампы. Маслянистый сандаловый запах заполнил комнату, и, следуя указаниям, мы опустили ткань в миски. После того, как полотно полностью пропиталось сандаловым маслом, его опустили в наполненные касторовым маслом лампы и подожгли.

Пока ткань горела, и удушливый дым поднимался к потолку, Пратима раздала нам металлические коробочки и тонкие костяные палочки.

– Когда погаснет огонь, палочкой соберете сажу со стенок лампы и сложите в коробочку. Полученным порошком будете подводить глаза перед выступлениями. Обращайтесь с ним аккуратно и старайтесь не рассыпать, как видите, для его получения используются дорогие компоненты. Каждая из вас сама будет делать краску для лица. Не пользуйтесь плодами чужого труда, потому что помимо самого красителя, в состав порошков будут входить и ядовитые растения, и если одна ошибется в количестве яда, то пострадать может другая. Будьте внимательны и предельно осторожны.

Все заметно оживились – вместо неинтересного, неизвестно для чего предназначенного занятия, нам предстоит сделать что-то, результат чего нам понятен. Сопя от напряжения, мы принялись соскабливать сажу и перекладывать ее коробки. В этом занятии тоже пригодились приобретенные

на уроках танцев точность движений и твердость рук.

Порывистая и не очень складная Ратна несколько раз слишком сильно взмахнула рукой и уронила драгоценные комочки. Испуганно осмотревшись, она поспешно размазала сажу по покрывалу.

Я вопросительно посмотрела на Малалти – не отплатить ли Ратне за вчерашнее желание донести, но подруга только загадочно улыбалась и методично работала.

– Теперь, возьмите свои коробки и по очереди подойдите ко мне, – велела Пратима, когда все отложили палочки и отерли лбы.

Мы выстроились змейкой, а учительница придирчиво осматривала содержимое ящичков, взвешивала на маленьких весах и одобрительно кивала. Добравшись до Ратны, Пратима придирчиво осмотрела количество сурьмы, затем испачканные пальцы девочки и склонилась над весами. Вся фигура учительницы излучала неодобрение. Когда же весы подтвердили подозрения Пратимы, то недовольство приобрело вполне осязаемое воплощение и хлестко опустилось на пальцы Ратны, оставив на них красные полосы.

– Впредь будешь аккуратнее, – сурово отрезала Пратима, когда провинившаяся подняла на нее полные слез глаза. – Все во двор! – приказала она, и мы высыпали на солнце.

Еще больше, чем приготовлению краски для лица, мы удивились тому, что Пратима разбила всех на пары, дала тонкие бамбуковые палочки и велела нарисовать друг друга.

Руки дрожали от волнения, палочка скользила во влажных пальцах, когда я поднесла ее к закрытым глазам Малати. Остро заточенный кончик дернулся, затем еще раз.

– Не надо выковыривать мне глаза, – от неожиданности я вздрогнула и тут же прыснула – подруга продолжала держать один глаз закрытым, зато второй, открытый, смотрел на меня до смешного серьезно.

Мы толкались, хохотали и делали вид, что хотим выколоть друг другу глаза, пока суровый окрик Пратимы не прекратил наше веселье.

Малати снова сомкнула веки, а я, прикусив губу и сдерживая рвущийся смех, чертила рваную линию.

Я закончила разрисовывать лицо подруги, как ни странно, оставшейся с целыми глазами, зато вокруг них красовались неровные, толстые круги. Теперь настала очередь Малати наносить краску.

Только она поднесла палочку к моему лицу, как я зажмурилась и фыркнула. Прикосновение было щекотонным и прохладным.

– Не бойся, дай мне тебя накрасить, – попросила подруга. Но я не могла расслабиться и в ответ на ее уговоры продолжала жмуриться.

– Ах так! – воскликнула Малати и двумя размашистыми движениями прочертила полосы практически до волос.

– Уже готово? – удивилась Пратима, когда Малати отложила палочку, и подошла посмотреть на результат. – Пло-

хо! – покачала она головой. – Очень плохо. Если бы вы не баловались, а приложили достаточно стараний, то получилось бы так же... – Пратима обвела взглядом комнату, отыскивая, кого бы привести в пример.

Осмотрелись и мы. Успехи у всех девочек были примерно одинаковыми – ни у кого черный контур не проходил около ресниц, у всех он прыгал, словно волны в сильный ветер.

– Итак, я смотрю, что все вы отнеслись к этому заданию, как к развлечению, – уперев руки в бока, нависла над нами Пратима. – Напрасно вы так решили. Жрицы всегда были образцом красоты и грации. На шествии, да и в другое время, все будут видеть только ваши глаза. Глаза – это самая выразительная часть на лице женщины, – учительница прохаживалась перед нами. И подтверждая свои слова, поводи-ла глазами из стороны в сторону. Блестящие белки контрастировали с черным контуром и притягивали взгляд. – Ваши глаза должны увлекать, пленять, заставляя забыть обо всем. Те, кто не хочет ради этого потрудиться, не сможет принять участие в празднестве. Сейчас тренируйтесь. Завтра проверю ваши успехи.

Оставив нас с этим пугающим знанием, Пратима ушла. Мы же не знали чем заняться – снова наносить краску или отрабатывать движения танца.

Я вернулась в комнату и забралась на настил, служащий нам кроватью. Из-под сложенных аккуратными квадратами пледов вытащила подаренный купцом кусочек зеркала, по-

смотрела и снова рассмеялась. В отражении я могла видеть только один глаз, но он был таким огромным, вытянутым, к тому же обведенный толстым черным овалом, что удержаться было невозможно.

– Над чем ты там смеешься? – я не заметила, как Малати оказалась рядом и, стараясь рассмотреть, что так развеселило, с размаху ударила в меня лбом.

– Ай! – одновременно воскликнули мы, потирая ушибленные места.

– Дай, я тоже посмотрю, – она протянула ладонь, и я, не раздумывая, вложила в нее свое единственное сокровище. – Глаза должны пленять, увлекать, – глядя в отражение, передразнила Малати Пратиму. – Увлекайся, увлекайся, – как мантру повторяла она. При этом так широко открыла глаза, что казалось они сейчас выпадут. От смеха у меня уже катились слезы и болел живот, но подруга продолжала напевно растягивая слова. – Нет, не увлекают, – горестно вздохнула, покачала головой и, рассмеявшись, вернула мне зеркало.

Тут же со всех сторон потянулись руки – оказывается, привлеченные нашими голосами, пришли и остальные девочки.

– Дай. Дай. Мы тоже хотим посмотреть, – наперебой просили они.

Отдавать было страшно, но и не дать не могла – девочки и так косились, что мы с Малати держимся от них на расстоянии. Дрожащей рукой протянула осколок и с тревогой на-

блюдала, как девочки берут его, смеются и передают дальше. Несколько раз казалось, что он вот-вот упадет и рассыплется множеством осколков, тогда мое сердце, сжимаясь, тоже падало в живот.

Успокоилась я только когда зеркало снова вернулось ко мне и было надежно спрятано под покрывалами.

– Девочки! – Малати запрыгнула ко мне и повысила голос, обращая на себя внимание. – Сегодня мы вызвали недовольство сразу двух учителей. Давайте, сейчас снова попытаемся друг друга накрасить, а когда сядет солнце, повторим танец.

– А почему ты решаешь за всех?

Девочки обернулись и увидели Ратну. Она стояла расставив ноги и наклонив голову, как бодливый бычок.

– Почему мы должны делать то, что ты сказала? Когда ты стала учительницей?

– Можешь не делать, – спрыгивая на пол, легко согласилась Малати. – Можешь даже по своему обыкновению лечь поспать, Только не удивляйся, когда из учениц тебя переведут в служанки.

– Но почему мы должны сейчас учиться наносить краску, а после этого танцевать? Почему не наоборот? – от слов Малати Ратна попятилась, но все равно продолжала спорить. Мне показалось, что она делает это только из вредности и будет против всего, что предложит подруга.

– Потому что сейчас еще светло, а при свете рисовать проще, чем в сумерках. Когда зайдет солнце, станет прохлад-

нее – самое то для танцев. К тому же, если мы сначала будет упражняться в танце, то потом станут дрожать руки, тогда точно не сможем провести ровную линию. Кто согласен, пойдете во двор! – воскликнула она и первая побежала к озеру – смывать черные круги под глазами. Как созревший горох из лопнувшего стручка, мы высыпали за ней.

Умывшись в пруду, мы снова взяли палочки. На этот раз Малати решила быть первой.

– Закрой глаза и не морщись, – попросила она, нацелившись на меня черным острием.

Я тут же зажмурилась и почувствовала легкий щелчок по уху. Улыбнулась и постаралась расслабиться, но веки все равно подрагивали. Почувствовала прохладное прикосновение и вздрогнула.

– Тш-ш, – раздалось над ухом.

Не торопясь, твердой рукой, подруга провела сначала по одному веку, а за тем и по второму.

– Готово, – отстранилась она, а я бросилась к пруду.

Даже подернутое рябью, отражение показало мне две проведенные вдоль ресниц ровные линии.

– Как это у тебя получилось?! – развернувшись, я не моргая уставилась на подругу.

– Ты забыла, что я здесь живу, сколько себя помню? – Малати смешно сморщила нос. – Когда старшие девочки уходили на занятия, я пробиралась в их комнаты и училась накладывать краску.

– Так ты умеешь краситься? Зачем же тогда обманывала, что не умеешь? – я не понимала ее поступков. Если бы я умела так танцевать, как она на площади или краситься, давно бы стала лучшей ученицей и тогда мне бы не грозила участь стать служанкой. Малати же, словно специально допускала ошибки, чтобы держаться в середине и не выделяться.

– Затем, что не всегда надо показывать все, что умеешь, – вздохнула она, подтверждая мои догадки. – Ты же и сама замечаешь, что на тебя и меня начинают коситься. Девочки могут разозлиться и нарочно делать пакости. Тебе нужны враги? Представь, что на одном из занятий тебя «случайно» порежут или поставят подножку, – она поправила на плече браслет из девятиликих лунных рудракши.

Вспомнилось, как папа после работы, присев во дворе около нас с Реяншем и Анви, рассказывал о происхождении рудракши.

Давным-давно три демона-асура захотели обладать непобедимым могуществом. Они истово совершали самые строгие аскезы, и за это Брахма наградил их тремя самыми неприступными городами. Тогда-то асуры и проявили свой истинный лик – уверенные в своей непобедимости, демоны начали притеснять богов. Уже не зная, как справиться с наглостью асуров, боги взмолились Шиве, прося о помощи. И Шива откликнулся на зов. Он сел напротив городов асуров и стал смотреть. Под его взглядом города горели, камни рассыпались, но и из глаз Шивы потекли слезы. Там где они

упали, выросли деревья, дающие плоды рудракши. Из слез солнечного глаза – желтые, лунного – светлые, а огненного – черные.

Но вот что значило девятиликая, то есть зерно из девяти сегментов, этого я вспомнить не могла и отчаянно копалась в памяти.

– Теперь, давай ты, – она закрыла глаза и подставила лицо заходящему солнцу.

Я посмотрела на ее спокойные черты и чуть не подпрыгнула, вспомнив – девятиликая рудракша дает покровительство девяти шакти Шивы – Дурги и остальных ее воплощений. Но зачем Малати покровительство Шакти Шивы? И случайно ли она оказалась именно в этом храме? Ведь Кали – тоже шакти Шивы. От кого моя подруга ищет защиты? Я взглянула на Малати, но она продолжала сидеть неподвижно, словно статуя.

Прикусив губу и задержав дыхание, я поднесла палочку к лицу подруги. Руки дрожали, и покрытый краской кончик снова начал выписывать штормовые волны.

– Дыши ровно и не волнуйся, – услышала я спокойный голос Малати. – Расслабь руку. Не получится сейчас, получится позже.

Прислушиваясь к советам подруги и к гомону остальных девочек, я вывела две не очень ровные, но уже не такие дерганые линии.

Солнце уже почти скрылось за верхушками деревьев и

окрасило воду пруда в золотисто-розовый цвет. В него, словно начищенное медное блюдо, девочки рассматривали получившийся контур. Смотрела и я. Закат придал отражениям девчоночьих лиц неземную гладкость и свечение, словно наша кожа сияла изнутри. Именно сейчас казалось, что мы не те девочки, которых оторвали от родного дома, не те, что когда-то бегали босыми по улице. Что мы настоящие жрицы... или будем ими.

Кажется, не только меня посетили такие мысли, потому что мы вскочили почти одновременно и с воодушевлением принялись повторять танец.

Мы так усердно занимались, что едва не пропустили вечернее омовение. На этот раз в купальнях никто не брызгался и не смеялся. Уставшие, мы молча сидели, не желая двигаться. На молитву плелись уже сонные, но все равно в голове настырно крутилась мысль расспросить Малати о ее появлении здесь. Я об этом помнила вплоть до того момента, пока голова не коснулась подушки, после наступила сплошная чернота.

Громкий голос Пратимы вернул в реальность. Ночи словно и не было, и сейчас стены комнат розовеют не от зарождающегося, а от угасающего дня. Казалось, ресницы слиплись и не давали открыть глаза, а все тело ныло. С трудом я сползла с настила осмотрелась. Остальные девочки выглядели такими же хмурыми. Кто-то прихрамывал, кто-то крутил ше-

ей, у меня же было ощущение, будто за спину повесили тяжелый тюк, и очень хотелось согнуться, но, помня строгость учительниц, распрямила плечи.

Боясь опоздать на утреннюю молитву, улитками поползли к купальням. Оступившись и едва не упав в прохладном сумраке коридоров, я схватила Малати за руку и вспомнила о чем хотела спросить перед сном.

– Расскажи, как ты сюда попала? – по-прежнему не отпуская ее руку и едва поспевая за быстроногой подругой, я плелась следом.

По прохладному дуновению поняла, что она повернулась ко мне – волосы взлетели темным облаком и мягкими волнами легли вокруг бледного овала лица. В пляшущем свете факела сверкнули белки глаз и зубы – Малати улыбалась.

– Я была слишком маленькой и не помню. Знаю только то, что рассказывали наставницы, – очередное движение воздуха – подруга пожалала плечами.

– Все равно расскажи. Что знаешь, – не отставала я. Не знаю почему, но мне было очень важно узнать это.

– Однажды, – Малати таинственно понизила голос, а я затаила дыхание, боясь пропустить хоть слово, – когда все ждали дождей, а они все не начинались. Жаркие ночи не приносили облегчения, и голова кружилась от запаха жасмина, цветущего в тот год особенно пышно. Служанка вышла на крыльцо храма, чтобы сбрызнуть его водой и хоть чуть-чуть освежить воздух, и нашла на ступеньках корзину с младен-

цем. Когда служанка наклонилась над ребенком, то откуда ни возьмись налетел ветер и закружил усыпавшие ребенка лепестки жасмина. Малышка смотрела на цветочный хоровод и улыбалась, и ветер становился сильнее, поднимая не только лепестки но и веточки. Желая оградить ребенка, служанка взяла корзинку, и раздался удар грома, а следом упали тяжелые капли долгожданного дождя. Женщина подхватила ребенка и побежала к жрецу. Когда священник ее выслушал, то решил, что это знак. Так меня оставили при храме и называли Малати – то есть, цветок жасмина.

Я не сводила глаз с подруги и слушала затаив дыхание, поэтому ничего удивительного, что не заметила, как мы вошли в купальни и, запнувшись, свалилась в воду под всеобщее хихиканье. Вынырнула отфыркиваясь и потирая ушибленное плечо, но подруга, успев спуститься, снова окунула меня в воду. Под водой я извернулась и потянула ее за ноги. Потеряв равновесие и забрызгав все вокруг, Малати свалилась на меня. Мы дергали друг друга за ноги и за руки, выныривая, чтобы вдохнуть, и снова уходя под воду, хохотали во все горло, пока нас не вытащили и не велели одеваться. На молитву я уже шла бодрее – спина и плечи почти не болели, поэтому на урок танцев после службы пришла почти вприпрыжку.

– Сейчас проверим, как вы поработали над вчерашним движением, – как всегда, неизвестно откуда появилась Мохини и обвела всех внимательным взглядом. – Встаньте ко-

лонной, будто идете перед паланкином! Начали! – она подождала пока мы построимся и ударила палкой о пол.

Видимо, не зря мы вчера до темноты повторяли танец – глаза Мохини блестели, когда наши руки одновременно взлетали, и браслеты вторили им звоном. Даже губы у учительницы дрожали, словно она старается сдержать улыбку.

– Что же, молодцы, – взмахом руки она велела нам остановиться. – Вижу, вы с должным усердием отнеслись к моему заданию. Но это не значит, что все получилось идеально, – сурово сдвинув брови, Мохини обвела нас строгим взглядом. – Вы добились синхронности. Это хорошо. Но жрицы должны быть легкими, как мотыльки. Ваш танец должна сопровождать только музыка браслетов, а не топот, будто бежит стадо разгневанных слонов. Будем учиться прыгать! – она хлопнула широкими ладонями. – Начали!

Мы стали прыгать, а Мохини наблюдала.

– Легче! Выше! – командовала она, прохаживаясь между нами. – Вы легкие, вас тянет вверх, а не к этим плитам, – снова постучала палкой по плитам двора. – Если приложите достаточно стараний, то сможете танцевать не касаясь земли, как настоящие апсары. Что случилось? – Мохини обернулась на смешавшиеся ряды девочек и возникшую сумятицу – это, неудачно приземлившись и подвернув ногу, упала Малати.

Я тут же подбежала к подруге и помогла ей подняться, девочки толкались около нас и спрашивали у Малати больно ли.

Она отрицательно трясла головой, но при этом на глазах наворачивались слезы. Кажется, Мохини не слишком обрадовалась возникшей заминке. Сложив руки на необъятной груди и неодобрительно качая головой, она наблюдала, как Малати пробует встать на ногу, и я чувствовала на шее ее горячее дыхание.

– Садись и дай посмотреть ногу, – из-под сурово сдвинутых бровей Мохини смотрела, как я помогаю Малати опуститься на пол, и как она послушно вытягивает ногу.

Пальцы учительницы были крупными, наверное, толщиной с ногу Малати, и когда Мохини осторожно ощупывала щиколотку, то мне казалось, что кости вот-вот сломаются, как засохшие ветки под порывом ветра. Но все обошлось – Мохини ненадолго отошла, потом вернулась с куском узкого полотна и затянула ногу подруги.

– Ничего страшного. Но сегодня ты больше заниматься не будешь, – прогудела она. – Старайся не нагружать ногу и поправиться до начала праздника. А вы чего встали? – Повернулась к нам Мохини. – Продолжайте! Или тоже подвернули ноги?!

Толкаясь, мы поспешили построиться, и занятие пошло своим чередом.

Когда Мохини закончила урок, мы едва не падали от усталости. Хотелось просто лечь и не двигать ни отяжелевшей рукой, ни дрожащей ногой. Камизы у всех можно было от-

жимать и они неприятно липли к коже, а с пересохших губ срывалось прерывистое дыхание. Даже голова слегка кружилась. Но отдохнуть было некогда, нас уже ждала Пратима.

Мы только сейчас поняли, какое это счастье, что на ее уроке можно просто сидеть. Да, возможно что нам снова предстояла кропотливая работа по изготовлению краски, но гудящие ноги и горящие ступни могли отдохнуть. Особенно это относилось к Малати – она все еще не могла ступить на ногу и в комнату вошла, опираясь на мою руку.

Урок Пратима тоже начала с проверки вчерашнего задания и, раздав коробочки с сурьмой, снова велела друг друга покрасить. Вчерашние старания дали свои плоды и почти у всех девочек линии получились ровными, хоть и разной ширины. Не хваля, но и не ругая, учительница обходила всех и качала головой.

– Что же, вы почти добились нужного результата. – она отошла и еще раз обвела всех нас взглядом. – При виде вас дух захватывает, вот только жаль, что не от красоты, – Пратима растянула губы и сверкнула крупными желтоватыми зубами. – Вам надо учиться твердо держать руку. Не важно, как в дальнейшем сложится ваша судьба, но мастерство владения телом всегда пригодиться. Этому вы и будете сейчас учиться.

Не успели мы испугаться, что опять придется вставать, как Пратима раздала дощечки, краску и тонкие, удивительно мягкие кисточки.

– Сейчас представьте, что наносите мехенди и рисуйте. Той, у кого рисунок получится лучше всех, я перед праздником сама нанесу хну на руки и ноги.

Подстегиваемые желанием получить награду, мы старательно принялись за дело. Сами придумывали рисунки и, сосредоточенно сопя, выводили завитки.

– А зачем ты носишь этот браслет? – спросила я, когда, закончив очередной лепесток, я распрямилась, и взгляд упал на рудракшу Малати.

Подруга ненадолго застыла, потом осторожно отвела руку от своего рисунка и мрачно посмотрела на меня.

– Из-за тебя чуть не испортила узор, – проворчала она. – У меня не было матери, – Малати бережно поправила браслет. – А с этим браслетом я под ее защитой. Мать никогда не покинет свое дитя.

– Своей мамы? – я округлила глаза, придумывая, где бы мне достать такой же, чтобы и моя мама была рядом.

– Нашей общей матери – Кали. А она очень любит своих детей.

Почему-то показалось, что Малати мне врет, но расспрашивать дальше не смогла – подошла Пратима, и я снова углубилась в рисунок.

Глава 10. Праздник Кали

Наконец, день, к которому нас так долго готовили, наступил. Дожди еще не закончились, но изнуряющая и лишаящая последних сил духота нехотя отступала. Дни еще плавались в жарком мареве, и если была возможность, то мы предпочитали прятаться в прохладе храмовых стен, где вода, стекающая по устроенным в полу желобам, давала ощущение свежести. Ночи же становились прохладнее, и мы с Малати, продолжая убегать из храма, одевались теплее из-за гуляющего по пустынным улицам ветра.

Нога подруги прошла, и Малати возобновила свои выступления. По мере того, как я делала успехи на уроках Мохини, подруга и меня привлекла к танцам, поручая несложные движения. И по-прежнему делилась заработком. Знатные мужчины и юноша появлялись еще несколько раз. Старший наблюдал за танцем и давал золотую монетку, порой пытался заговорить и выяснить где мы живем и почему взрослые позволяют одним танцевать на площади, а младший не сводил глаз с Малати. И с каждым разом отец уводил его со все большим трудом. А Малати, словно только их и дожидалась, сразу же уходила.

В этот раз я не пошла с подругой – берегла нанесенный Пратимой рисунок – поэтому Малати отправилась на площадь одна.

Принимая утреннее омовение, я любовалась прекрасными узорами, украшающими руки и ноги, и большими оранжево-коричневыми кругами на ладонях и ступнях. Благодаря им каждое наше движение должно быть видно издалека. Малати все еще не пришла, и я постоянно посматривала на прячущийся в тени вход. Время молитвы неумолимо приближалось, а я старалась придумать оправдание отсутствию подруги.

Ничего правдоподобного в голову не шло, а нас уже выгоняли из купален.

– И где же твоя любимая Малати пропадает? – прозвучал над ухом едкий голос Ратны. – Она пропустила омовение, сейчас пропустит молитву и не попадет на шествие. Посмотрим тогда, как ты без нее будешь справляться, – она многозначительно посмотрела на украшающие мои руки узоры.

В тот день, когда Пратима объявила, что сама нанесет мехенди той, у кого будет самый аккуратный и красивый рисунок, я оказалась лучшей. Но слишком старательно подруга отводила глаза, отдавая дощечку учительнице, чтобы поверить, что все произошло случайно.

Я горько вздохнула, сожалея о ее неосмотрительности, ведь она так хотела вырваться отсюда. А служанке вряд ли удастся обратить на себя внимание знатного господина.

– Она встала раньше всех, уже искупалась и отправилась в храм, – соврала я, глядя прямо в еще больше округлившиеся от предчувствия разоблачения глаза Ратны.

Распихивая девочек, Ратна побежала к храму, а я думала как же все объяснить наставникам, ведь противная девчонка наверняка обратит их внимание на отсутствие одной из самых прилежных учениц.

Вдруг из темноты вынырнула тонкая рука и ухватила меня за запястье.

Сердце застряло и сжалось где-то в горле, а на лбу выступил холодный пот. От ужаса я не могла ни кричать, ни дышать. Ноги вросли в каменные плиты и отказывались двигаться.

– Помоги мне, – в хриплом шепоте прозвучали знакомые нотки, а следом на меня упала бледная Малати.

– Что случилось? – стараясь, чтобы не услышали, воскликнула я и, поддерживая, отвела подругу подальше от факелов и любопытных глаз, под покров густой тени.

– Все потом. Сейчас помоги мне привести себя в порядок, – цеплялись за меня ее горячие пальцы.

А я тем временем обтирала концом дупатты мокрое от пота лицо подруги и чувствовала ее прерывающееся дыхание.

– Ратна уже заметила твое отсутствие во время купания и скорее всего постарается обратить на это внимание старших. Пойдем быстрее, нельзя опаздывать на молитву, – торопливо говорила я, приглаживая ее растрепанные кудряшки.

– Да, пошли, – выдохнула Малати и, продолжая за меня цепляться, похромала по коридору.

Мы двигались от одного отбрасываемого факелом масля-

нисто-желтого пятна до другого. Звонкие голоса возбужденных предстоящим празднеством девочек, множась, гулко отражались от сводов, и я не рискнула задавать Малати вопросы.

– Смотрите! Ее не было в общей комнате и в купальнях тоже. Не удивлюсь, если она уходила в город, – мы вошли в храм и увидели Ратну. Она стояла около Пратимы и тыкала в нас пальцем. Круглые щеки Ратны блестели от удовольствия, а из-за того, что верхняя губа была короче, кончик вздернутого носа двигался, словно подтверждая слова хозяйки. Никогда еще она не казалась мне такой неприятной, как сейчас.

– Вот ослица! Кто ее за язык тянет! – проворчала подруга и постаралась встать ровнее под суровым взглядом приближающейся наставницы. – Сама себе прокладывает путь к поясу Кали, – и тут же приняла самый невинный вид, а я посмотрела на жутковатый атрибут из отрубленных рук, красующийся на бедрах богини.

– Малати-джи, не снизойдете ли вы до пояснения, где вы были, когда ваши подруги очищали тело перед молитвой?

– Я волновалась перед шествием и мне не спалось, поэтому, чтобы не будить остальных, вышла во двор и повторяла танец. Потом пошла в купальни, – подруга низко склонила голову, выражая раскаяние и скрывая за рассыпавшимися волосами все еще пунцовые щеки. – Не хотела раньше всех появляться в храме. Поэтому ждала здесь. В коридоре.

– Да, Малати меня предупредила, и мы здесь встрети-

лись, – поторопилась я ее поддержать, потому что Пратима продолжала пристально нас рассматривать и в ее взгляде не было капли доверия.

– Нейса, Малати, я знаю, что вы мне лжете. Но поскольку мне это нечем подтвердить, а вы поддерживаете друг друга, то я сделаю вид, что поверила. Но не думайте, что и дальше сможете всех дурачить. Я буду наблюдать за вами. А с тобой поговорим отдельно! – Пратима развернулась и сурово посмотрела на надувшую губы Ратну. – Сейчас приступайте к молитве.

Мы сложили руки и подпевали мантрам священника.

– Что ты имела в виду, когда сказала, что Ратна идет к поясу Кали? – спросила я у Малати, когда убедилась, что на нас никто не обращает внимания.

– Ты разве не знала? – из под полуопущенных в молитве ресниц, блеснули черные глаза. – Это же цикл реинкарнаций, а руки обозначают, что мы своими руками творим карму. Вот и Ратна сама создает себе карму и запускает начало реинкарнаций. – Не отвлекайся, – одернула она меня. – Сегодня ее праздник. Не стоит гневить мать, – и снова погрузилась в молитву.

По ее окончанию Пратима увела нас готовиться к празднику, но прежде чем раздать коробочки с краской, наряды и украшения, велела замолчать и послушать.

– Девочки, – она обвела нас пристальным взглядом. – Кое что из того, что сегодня произошло, вызвало у меня крайнее

недовольство.

Пратима помолчала, а Ратна многозначительно посмотрела на меня и Малати.

– Не будем сейчас говорить, что некоторые из вас осмелились мне лгать. Хоть ложь и была произнесена в защиту подруги, но Кали отвергает любой обман и, конечно же, такое поведение недопустимо, какими бы причинами оно ни было продиктовано, – она снова замолчала.

Я практически не дышала, ожидая, когда наставница озвучит наказание. В горле встал тугой комок, во рту пересохло, а руки мелко дрожали. Я тряхнула головой, сожалея, что волосы еще недостаточно отросли и не могут скрыть пылающие щеки. Глаза чесались, в носу щекотало, слезы уже готовы были появиться, чтобы обличить перед всеми обманщицу, но почувствовала, как в ладонь скользнули тонкие пальцы Малати, слегка пожали, и смогла сдержать предательскую влагу.

– Но произошло нечто, что превзошло столь неприятное событие – оказывается, некоторые из вас не понимают зачем они здесь. Вы все, – Пратима взмахом руки указала на сгрудившихся и внимательно слушающих девочек, – дочери одной матери. Вы сестры и должны поддерживать друг друга, а не стараться избавиться. Если одна из вас прекращает обучение, то не потому, что кто-то оказался более удачливым, а потому, что не справилась сама. Может наступить такое время, когда только подруга рядом спасет от беды. Не ставьте

себя выше интересов той, кому служите и своих обязанностей. Если подобное повторится еще раз, то виновница будет сурово наказана.

Девочки зашептались, переглядываясь, а Пратима ненадолго задержала взгляд на Ратне, втянувшей в плечи круглую голову, и хлопнула в ладони.

– Хватит бездельничать! Принимайтесь за работу. Вам надо накрасить друг друга для участия в шествии, – и раздала коробочки с краской.

– Спасибо, что помогла, – сказала Малати, забираясь на настил и устраиваясь поудобнее.

Ткань сбилась, и, сдерживая вскрик, я закрыла рот рукой при виде тянущейся от колена до щиколотки багровой ссадины.

– Что с тобой случилось? – прошептала я, усаживаясь рядом с подругой. – Сильно болит?

– Не важно, – нехотя ответила Малати, пряча ногу. – Я все равно должна сегодня танцевать. – она подвинулась ближе и невольно поморщилась. Посмотрела на меня и вздохнула: – Закрывай глаза и не моргай, я буду тебя красить и рассказывать.

Я покорно закрыла глаза. Тут же почувствовала прохладное прикосновение костяной палочки и услышала негромкий голос подруги, и из слов по кусочкам складывалась картина ее злоключений.

Площадь освещалась дрожащим светом факелов и кострами в жаровнях, установленных на высоких треногах. Воздух над ними дрожал и плавился. Мечущиеся в безумном танце тени кривили лица, превращая людей в демонов. Они, словно наша покровительница, развеивали обманчивую оболочку, оставляя только суть.

Посреди толпы, в багряных отблесках и дымном чаде танцевала маленькая девочка. Тонкие руки рисовали сложные фигуры, тело изгибалось, словно перетекая, застывало в новой форме. Если долго смотреть, то можно забыть зачем ты здесь, но желающих не так много – лишь несколько монет поблескивает под босыми ногами на пыльных камнях. То ли обыватели готовятся к предстоящему празднику, то ли храмовые танцы не так интересовали горожан, как горячащий опасностью танец девочки со змеей. Но двое преданных зрителей остановились, наблюдая, и даже бросили неизменную золотую монетку. Маленькая танцовщица не приближалась, но не сводила взгляда с младшего из мужчин. Создавалось впечатление, что она хочет что-то сказать ему. Юноша невольно подался вперед, но девочка, взметнув юбкой, закружилась в неистовом танце, подобно самой Кали.

– Не пугай, видишь ведь, она опасается людей, – остановил сына старший из мужчин, положив руку ему на плечо.

Юноша отступил и продолжал неотрывно следить за подобной вихрю девочкой, пока отец не позвал его домой.

Как и в предыдущие разы, танцовщица собрала монеты и последовала за мужчинами, прячась от праздных зевак и случайных прохожих. Вот только оказавшись у богатого дома, не ушла, как обычно, а задержалась, наблюдая за тем, как там готовятся к предстоящему празднеству.

Воздух благоухал ароматами, а по длинным галереям сновали многочисленные слуги с подносами приготовленных для служению фруктов и цветов и праздничными одеждами. Величественная фигура богини освещалась многочисленными лампадами и сверкала свежими красками.

Засмотревшись на царящую в доме суету, девочка забыла, что стоит одна посреди ночной улицы и опомнилась лишь когда почувствовала, как ее схватили за руку и потащили в узкий просвет между двумя соседними, погруженными в темноту домами.

– Я видел, как ты танцевала, – прошамкал худой оборванец. – У тебя что, нет никого из взрослых, кто бы присматривал за тобой? – он повернулся и посмотрел из-под спутанных волос, упавших на глаза грязными патлами. – Теперь я буду за тобой присматривать, а ты отдавать мне все, что зарабатываешь, – бродяга довольно захихикал, отчего под грязными лохмотьями затряслись острые плечи. – Давай сюда все, что у тебя есть, – грязные пальцы вцепились в тонкое запястье и старались раскрыть крепко сжатый кулачок.

Если бы это помогло избавиться от боли в руке, от зло-

вония немывтого тела, девочка не задумываясь отдала бы весь заработок, но понимала, что пригоршня монет лишь разожжет в нищем алчность, и отчаянно сопротивлялась, царапая ногтями свободной руки, заскорузлую кожу. Не спевая за его широким шагом, она несколько раз падала, но бродяга, ничего не замечая, продолжал пробираться по тесным зловонным переулкам.

– А ты хорошо пахнешь маленькая танцовщица и кожа такая мягкая. Дай-ка я на тебя посмотрю. Может, от тебя будет больше пользы, чем танцы на площадях.

Он еще крепче стиснул ее руку и потащил под бледный сноп лунного света.

«Никто из живых не должен видеть лица виша-каньи» – это правило девочка запомнила крепко и разжала стиснутый кулак.

Блестящие монеты с глухим стуком упали в пыль. Воспользовавшись тем, что внимание бродяги отвлеклось, девочка вцепилась зубами в жилистую руку и, как только хватка ослабла, ящерницей взобралась на ближайшее дерево.

– Ну погоди, демонское отродье! – ползая в пыли, ругался оборванец. – Сейчас все соберу и доберусь до тебя. Будешь знать, как не почитать старших.

Дрожь от страха, девочка забралась еще выше, туда, где тонкие ветки едва выдерживали ее небольшой вес, и замерла среди листьев, недовольно ропщущей на посмевавшую потревожить ее покой.

Закончив ковыряться в пыли, грабитель попытался вслед за беглянкой залезть на дерево, но каждый раз срывался и падал.

– На первое время и этого хватит, – в очередной раз поднимаясь и потирая костлявый зад, пробормотал он и, пошатываясь, поковылял прочь.

Девочка подождала, пока удаляющиеся шаги и недовольное бормотание окончательно стихнут, потом еще немного, и стала спускаться.

От громкого хруста несколько птиц испуганно захлопали крыльями и перелетели на более спокойное дерево. Девочка потеряла опору и упала на землю, рассадив ногу об ощерившийся обломок ветки.

– Попалась, маленькое отродье, – от темной стены отделилась пошатывающаяся фигура и направилась к ребенку.

Не в силах шевельнуться, несчастная сидела и сжимала ногу, расчерченную темными дорожками стекающих и поглощаемых пылью капель.

Неверно ступая в темноте, грабитель зацепился об упавшую ветку, недовольно зашуршали листья, приводя девочку в чувство. На время забыв о ране, она вскочила и, метнувшись вдоль выстроившихся вдоль дороги кособоких домишек, протиснулась через узкий просвет на другую улицу.

Все было незнакомым, и она не знала как вернуться в храм. Поэтому снова полезла на дерево, чтобы с крыши бли-

жайшего дома поискать особняк будущего мужа.

На ее несчастье бродяга не оставил идею отыскать пропавшую, и девочка, помимо желаемой высокой крыши своего будущего дома, увидела внизу пошатывающуюся кособокую фигуру.

Мысленно благодаря хозяев за то, что построили свои жилища так близко друг к другу, она перелезла с одной крыши на другую, преодолевая боль и приближаясь к знакомым местам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.